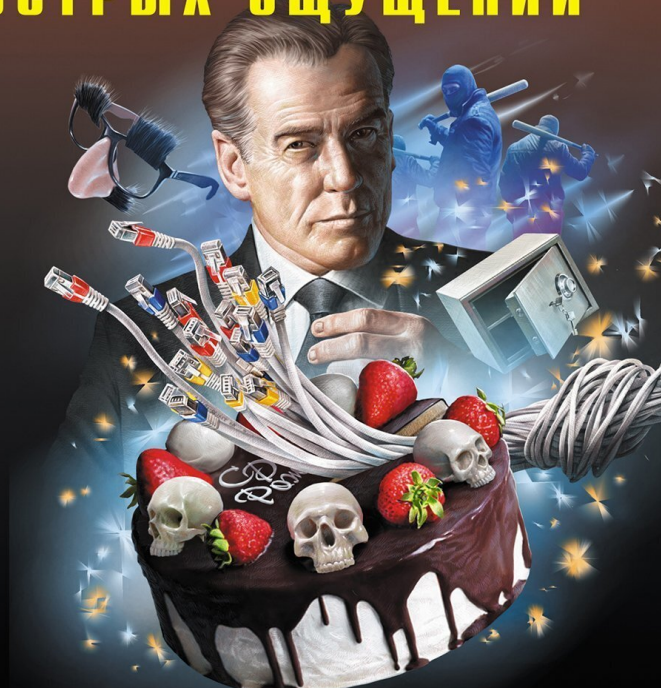

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ПРОДАВЕЦ
ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ**

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев
Продавец острых ощущений
Серия «Черная кошка»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63087453

Продавец острых ощущений: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-116816-2

Аннотация

В одном из столичных районов зверски убит креативный директор Валерий Кадацкий. Расследование этого резонансного дела поручено полковникам МВД Гурову и Крячко. Главная версия – профессиональная деятельность покойного. Фирма Кадацкого занималась организацией экстремальных ситуаций для любителей острых ощущений. Однако чем глубже сыщики знакомились с материалами дела, тем яснее становилось, что мотив преступления кроется в чем-то другом. Окончательно прояснила ситуацию встреча Гурова со старым вором, который не понаслышке знал, чем реально промышлял убитый...

Содержание

Продавец острых ощущений	5
Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	72
Глава 5	94
Глава 6	108
Глава 7	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Продавец острых
ощущений**

© Макеев А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Продавец острых ощущений

Глава 1

«Оранжевая жара»... Столбик термометра растет, прогноз на неделю не радует, службы ЧС пугают пожарами, люди пачками падают в обморок прямо на тротуарах. И все это в середине июня. Что же ждет впереди? Да ничего особенного: все те же домашние заботы, деловые поездки и работа, работа, работа...

В помещениях без кондиционеров совсем тяжело: воздух нагревается так, что хоть ножом режь, как масло в масленке. От раскаленного асфальта жар доходит до девятого этажа, где вентилятор на метровой ножке гоняет горячий воздух по крохотной комнатухе в четырнадцать квадратов, а облегчения не приносит. Открытое окно лишь усугубляет положение.

У окна сидит молодой человек в стильной льняной рубашке, светлых летних брюках и каждые три минуты протирает бритую голову огромных размеров клетчатым платком. Когда-то у него на голове была креативная стрижка: пряди трех цветов собирались в короткий хвост, переходя в круто выбритый затылок. Спортивные брюки и укороченная футболка с принтом вызывающего содержания, речь скоро-

говоркой, развязный стиль общения – образ прежнего начинающего креативщика.

Тогда казалось, что это круто. Радужные полосы в волосах, татуированная от плеча до кисти рука и перламутровая оправа очков привлекали взгляды, что придавало уверенности в себе. Как давно это было, каким глупым это казалось сейчас. Какое счастье, что хватило ума избавиться от наносного и показного, что дешевый «креатив» не помешал основным, глобальным планам.

Со временем внешность претерпела значительные изменения. Оказалось, что бритый наголо череп смотрится более презентабельно, классический, с некоторым налетом вольности, стиль одежды подчеркивает индивидуальность, а черная оправа очков облагораживает не слишком аристократические черты лица. Но главное достижение не в стиле, а в укреплении позиций на рынке развлечений.

Добиться признания в Москве дорогого стоит. Он этот путь прошел. От никому не известного массовика-затейника до директора самого модного и выбираемого в столице ивент-агентства. Круто? Конечно круто. Тут тебе и уважение, и почет, и слава. К тому же вопрос финансов давно не висит дамокловым мечом, в этом плане все стабильно, насколько вообще в этом мире может существовать стабильность.

«Боже, как же здесь душно! Сюда бы какой-никакой захудалый кондиционер, а не это чудо техники прошлого века.

Ладно, часок потерпеть можно. Думай о награде и о том, как приятно будет после душегубки оказаться в кондиционируемом салоне автомобиля. А с кондиционером потом решим». Он прошел в кухню, открыл кран. Когда теплая жижа ржавого цвета потекла на платок, поморщился и, отжав в раковину лишнюю воду, приложил платок к шее.

Щелкнул дверной замок. «Наконец-то», – облегченно подумал молодой человек, но, обернувшись, замер на месте: в тесную прихожую вошли люди, которых он не ждал. Их было пятеро. Все одного роста, примерно одного возраста и в одинаковой одежде. Черные спортивные костюмы с капюшонами, на ногах кованые ботинки, а в руках...

«Что? Что происходит? Что ты натворил, кому перешел дорогу? Соображай, пока не стало поздно!» Голова же стала совсем пустой, точно из нее высосали все вакуумным насосом. Один из вошедших вышел вперед, схватил молодого человека за шиворот и выволок в комнату. Люди в капюшонах рассредоточились по периметру комнаты, образовав кольцо.

– Кто вы?! Чего хотите?! – выкрикнул молодой человек, но либо запоздал с вопросом, либо тот изначально не имел смысла.

Он увидел летящую в голову битую, ощутил первый удар и понял, что живым из комнаты ему не выйти.

«Лева, придется поднапрячься. Сам понимаешь, отказов там не принимают. И не ворчи, такая у нас работа». Дерь-

мо это собачье, а не работа. Работа оперуполномоченного по особо важным делам заключается в расследовании преступлений, в розыске преступников, в поиске улик и доказательств, а ублажать высокие чины – это прерогатива людей совсем другой профессии. Вот что сказал бы полковник Гуров, будь у него слушатели. Но в половине седьмого утра желающие послушать возмущенные тирады сыскаря из уголовки в очередь не выстраиваются, поэтому пронзительная речь звучала исключительно для него самого.

Час назад Гуров принял звонок от своего непосредственного начальника генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова. Тот факт, что Орлов позвонил лично, а не перепоручил грязную работу дежурному по части, говорил сам за себя. Значит, дело, которое еще даже не возбуждено, уже находится на особом контроле. Лично для Гурова это означало одно – повышенное внимание, дополнительный надзор и лишняя отчетность.

«Ну почему всегда одно и то же? Почему самые дурнопахнущие дыры должен затыкать именно я?» – возмущался Лев. Он сидел за рулем своей машины, и путь его лежал в московский район Гольяново. Район этот имел славу самого криминально неблагополучного места в столице. В некоторых источниках средств массовой информации его ставили в одну строку с Кейптауном и Мехико. Когда-то, в далекие девяностые, здесь правила измайловско-гольяновская преступная группировка, организованная из молодежных банд.

Тогда даже самые отъявленные бандиты знали, что на восток столицы лучше не соваться.

В настоящее время обстановка в Гольяново улучшилась, но не намного, и район по сей день считается лидером по количеству краж, разбоев и убийств, только теперь это не связано с организованной преступностью. Причина до абсурдного проста. Вернее, их две: дешевая арендная плата на жилье и крупнейший в России автовокзал. Первое привлекает в район мигрантов и маргиналов, которым плевать на обилие промзон и загаженный воздух. Второе плодит «гастролеров», приезжающих в столицу исключительно ради совершения преступления.

И вот в этом районе, где слово «полиция» считается ругательным, полковнику предстояло расследовать убийство. В чужом районе, на чужой земле. А все почему? Да потому, что в пять утра генералу Орлову позвонил вице-губернатор Московской области и лично просил взять расследование преступления, совершенного в Гольяново, на особый контроль. Орлов пообещал сделать все возможное и не придумал ничего более оригинального, чем поднять его, Гурова, с постели и погнать в криминальный район.

Все, что на данный момент было ему известно о преступлении – убит директор популярного в Москве развлекательного агентства. Выбросили из окна, так сказал Орлов. Что ж, есть преступление, надо искать преступника, разве он против? Обидно, что по указке городского чиновника. А вме-

шательство вице-губернатора – не что иное, как показуха. Отец-благодетель нашелся, о рядовом жителе города печется. Кто в это поверит?

Впрочем, причину внимания к персоне директора ивент-агентства со стороны губернатора генерал не озвучивал, так что ворчание Гурова не имело под собой почвы. Просто слишком уж часто стали происходить такие вот персональные звонки, после которых ему приходилось совершать на три продуктивных действия около десяти непродуктивных. И это выбивало из колеи.

До места происшествия Лев добрался в четверть седьмого. Орлов заранее предупредил, что работать он будет с криминалистами из Управления. Выездная бригада тоже входила в штат Московского уголовного розыска на Петровке. Это облегчало задачу, так как не нужно было тратить силы и время на знакомство с людьми из местного отдела полиции.

У дома, где лежало тело погибшего, собралась толпа. Газон возле единственного подъезда огородили лентой и выставили оцепление. Об этом позаботились местные власти, знакомые с порядками района лучше, чем приезжие опера и следователь. Количество полицейских, охраняющих место падения тела, впечатляло. Восемь человек только возле трупа, а еще патруль на дороге при въезде во двор, две пары бравых бойцов с торцов дома и пара у подъезда.

«Как при теракте», – промелькнуло в голове Гурова. Он вышел из машины, и к нему тут же ринулись двое полицей-

ских. Один козырнул и спросил:

– Вы из Главка?

– Полковник Гуров, – кивнув, представился Лев. – За все это кто отвечает? – обвел он рукой пространство перед собой.

– Майор Бронницкий, – поняв его жест, представился полицейский. – ОМОН и патрульных я вызвал. Сразу, как только звонок отсюда поступил. У нас здесь лучше лишний раз перестраховаться. Могли и не успеть. Вышли бы «братки» из окрестных домов и затоптали место преступления почище, чем стадо буйволов.

– Вы приехали сюда по звонку? – уточнил Лев.

– Практически сразу после звонка, – ответил Бронницкий. – Я сегодня на дежурстве, так что повезло.

– Осмотр производили?

– Частично. Карманы проверили. Телефон изъяли, водительское удостоверение. Личность определили, сделали пару звонков, после чего нам было велено стоять на карауле, но к телу не соваться.

– Хотелось бы знать, что за звонок вы сделали, что вас так наказали, – поддел Гуров.

– Похоже, наказали-то не нас, – вернул «комплимент» Бронницкий. – А если серьезно, ваш вызов не на нашей совести. Пока ждали приезда криминалистов, поступил приказ сверху: осмотр отложить до особых распоряжений.

– Полагаю, особое распоряжение – это я, – усмехнулся

Лев.

– Получается, что так.

– Тогда докладывайте.

– Убитый – Валерий Кадацкий, неполных тридцати пяти лет, директор ивент-агентства «Особый шик». Личность установлена по водительскому удостоверению, род деятельности – по визитке. Других документов при убитом нет. Есть телефон, довольно дорогой, в чехле из натуральной кожи. В нем практически пусто, несколько штук визиток с фамилией убитого, указанием должности и контактными данными, и одна визитка, которая, как я понимаю, и привела вас сюда.

– Вице-губернатора? – догадался Гуров.

– Так точно. Сами понимаете, о таких деталях положено сразу начальству докладывать. Я доложил, мне было приказано ждать особых распоряжений.

– Уже известно, откуда у убитого визитка вице-губернатора?

– Думаете, передо мной отчитались? Или я вот так запросто взял и набрал его номер? – произнес Бронницкий. – Может, у вас на Петровке такое и практикуется, но у нас в Гольяново первое, чему учат новобранцев, – это не совать нос в дела власть имущих и не проявлять инициативу, пока не прикажет начальство.

– Ладно, майор, пойду работать, отрабатывать свой хлеб, – прервал его Гуров.

– По квартирам пойдете? – вопросительно посмотрел на

полковника Бронницкий.

– Обязательно, – кивнул Лев.

– Поаккуратнее, слишком не усердствуйте, если что, – предупредил Бронницкий. – Тут контингент особый.

– Это я уже понял. В любом случае обрабатывать придется, как положено.

– Понадобится консультация по жильцам, обращайтесь к оперуполномоченному Юхимишину. Он на этой земле шесть лет участковым оттрубил. На совесть работал, так что всю подноготную про район знает.

– Вот за это отдельное спасибо, – искренне поблагодарил Гуров и пошел осматривать тело.

Белая, в мелкий цветочек, простыня выглядела бы смешно на фоне зеленой травы посреди городского газона, если бы не множество кровавых пятен, пропитавших ее насквозь. От этого голубые цветы приобрели темно-коричневый оттенок, а некогда зеленые веточки слились с общим буро-красным фоном.

– Привет, Вадим, что это тут у нас за самодеятельность? – кивнул криминалисту на ситцевые цветы Гуров.

– Женщина с первого этажа пожертвовала, – объяснил тот. – Зрелище слишком жуткое. Не хотела на раскромсанное тело из окна смотреть, вот и вынесла простыню. Разумное решение, надо сказать.

– Все так плохо? – Лев приподнял простыню и от неожиданности отшатнулся: – У них что, полуметровые лезвия в

воздухе висят? Я так понимаю, травмы получены не в результате падения?

– От падения тоже есть, но на фоне всего остального, – озабоченно покачал головой криминалист. – Патологоанатому работы на неделю.

– Сильно изуродовали?

– Живого места не оставили. Голова только и уцелела. Из окна уже мертвого выбросили. Чтобы это понять, отчета ждать не нужно.

– Наверх поднимались?

– Какое там, – махнул рукой криминалист, – здесь только закончили.

– Вместе пойдем. Как будешь готов – зови. Я пока тут похожу.

Вадим Быков на Петровке появился не так давно, но с Гуровым в паре работал уже не первый раз. Гуров ценил его за аккуратность и дотошность. Если уж Быков взялся за работу, то можно быть уверенным, что осмотрен будет каждый миллиметр в радиусе ста метров. Порой такая въедливость раздражала, зато почти всегда приносила плоды. Сейчас Гурова интересовала общая картина, поэтому он отошел от места падения метров на пять, чтобы получить вид в перспективе. Мелкими деталями пусть занимается Быков, а он пройдет по верхам.

Двор, в котором произошло кровавое убийство, ничем не отличался от тысячи других московских дворов. Многоэтаж-

ные высотки стояли впритирку одна к другой, скудно озелененные дворы пустовали по причине летних отпусков. Зеваки, собравшиеся возле газона, на котором распласталось тело погибшего, и те рассосались. Глазеть было больше не на что, а попасть в свидетели и таскаться неделями на допросы и опознания кому охота?

Подняв голову, Лев осмотрел окна. Открытым оказалось лишь одно окно на девятом этаже. Видимо, оттуда и сбросили тело. Через дорогу напротив дома стояла точно такая же многоэтажка, и в ее квартирах могли отыскаться свидетели. Понятно, в пять утра нормальные люди еще спят, но как знать, может, в это утро кто-то из жильцов собирался на работу как раз в этот час или выглядывал в окно, чтобы проверить машину? А то и бессонница мучила, бывает и такое.

Машин на парковке, расположенной по диагонали от дома, он насчитал восемь штук. Простенькие машинешки, без наворотов, но владельцы таких машин, как правило, до полудня в постели не нежатся. Гуров обошел дом вокруг. В соседнем здании на первом этаже располагался магазин круглосуточной торговли, но от входа подъездную дверь дома Кадацкого видно не было. А вот ларек, отстоящий от магазина метрах в тридцати, располагался как раз на пересечении автомобильной дороги и двух пешеходных дорожек. Из витринного окна двор был виден как на ладони.

Гуров заглянул в ларек. Заморенный бессонной ночью парень лет двадцати пяти на секунду оторвал взгляд от журна-

ла, оценил покупательскую способность вошедшего и снова уткнулся в гляцевую страницу.

– Доброе утро, – вежливо поздоровался Лев. – Минеральной воды, пожалуйста.

– В стекле или в пластике? – неохотно поинтересовался продавец.

– В стекле.

– Кончилась, – коротко бросил продавец и снова уткнулся в журнал.

– Зачем тогда спрашивать? Нет в стекле, давайте в пластике. Если можно, из холодильника.

– Из холодильника кончилась, – вдруг развеселился парень. – Что-то еще?

– Минеральной воды, какая есть. Или вся кончилась?

– В «двушках» есть, – радостно сообщил продавец. – Вам с газом или без?

– А какая есть? – догадавшись, что его снова ждет подвох, спросил Лев.

– Без газа. – Парнишка пошарил рукой под прилавком и выставил двухлитровую бутылку с зеленой этикеткой. – Сто двадцать рублей.

– Откуда такие цены? – удивленно поднял брови Гуров.

– Я ценообразованием не занимаюсь, все по прейскуранту, – отчеканил парнишка. – Надо – берите, а нет – так никто не заставляет.

– Пожалуй, воздержусь, – покачал Лев головой. – Негу-

манные у вас цены, надо сказать.

– Другие не жалуются, – пожал плечами парнишка и убрал бутылку. – Могу из крана налить. Даром.

– Спасибо за предложение, возможно, в следующий раз воспользуюсь.

– Тогда до встречи. – Парень окончательно потерял интерес к неплатежеспособному покупателю. – Выход там.

– Я не тороплюсь, – вдруг заявил Лев.

– Чего попусту место занимать? – нахмурился парнишка, поняв, что от этого покупателя ему быстро не отделаться. – Идите, папаша, не мешайте работать.

– Приятная у вас работа, – кивнул Лев на журнал. – А главное – ответственная.

– Да что вы понимаете? Я, может, за всю ночь первый раз присел, – возмутился парнишка. – У нас на районе ночная торговля активнее, чем дневная. Всю ночь ходят и ходят. То сигареты им, то закусь.

– И сегодня ходили?

– Они всегда ходят.

– Народ разный? Или постоянные покупатели?

– А вам какой интерес? Хотите в смену устроиться?

– Есть вакансии?

– Представьте себе, есть. Неделю назад Шишкарев уволился, а нового еще не нашли, так что вам повезло, папаша, – снова оживился парень. – Зарплата здесь не айс, но зато хозяин нормальный, не гундит, не «пасет» и штрафами не дол-

бит.

– Работа меня не интересует, – признался Гуров. – А вот покупатели интересны. – Он достал удостоверение, раскрыл и показал продавцу: – Про убийство в соседнем доме слышали?

– Да ладно! Убийство? Это в каком, в тридцатом или двадцать девятом?

– В тридцатом.

– А я думаю, какого хрена машин полицейских понагна-ли? Шесть штук насчитал. И елозят по газону с пяти утра. Вообще-то я думал, что они закладки «нариков» ищут. А вы говорите – убийство?

– Убийство. И в этой связи вопрос: незнакомые, не мест-ные в магазин заходили сегодня?

– Не, сегодня только свои, – быстро ответил парнишка. – Заезжие редко здесь бывают. Если отовариваются, то в ма-газине «Тупичок».

– «Тупичок»? Странное название для магазина. Это тот, что напротив?

– Он самый. Так-то он без названия. Магазин, и все. «Туп-ичком» его местные прозвали.

– А ночью ничего подозрительного не заметили?

– Да тут всегда что-то подозрительное. То орут, то дерут-ся, то гонки по дворам устраивают, – принялся перечислять парнишка. – Неделю назад Алик Трынка на спор голым по двору гонял, а еще раньше у Тamarки из двадцать девятого

юбилей был, тридцатник отмечала, так там вообще все на ушах стояли. Раз восемь только за водкой прибегали. Чуть витрину мне не разнесли, так напились, в дверь попасть не могли.

– А в эту ночь кто гулял?

– В эту никого. Так, по-тихому за жрачкой, за водой ходили, и все.

– Уверен? – Гурову не хотелось уходить ни с чем, почему-то ему казалось, что парнишка знает больше, чем говорит.

– Уверен. Вы это, если брать ничего не будете, я пойду товар считать. И так с вами заболтался, к началу смены не успею. – Парнишка махнул рукой и скрылся в подсобке.

Гурову ничего не оставалось, как уйти. В магазине со странным названием «Тупичок» новых сведений он не добыл. Две женщины пенсионного возраста в один голос заявили, что ночью к ним вообще никто не приходил.

Во двор Лев вернулся как раз вовремя, Вадим Быков стоял на крыльце и искал его глазами. Заметив Гурова, он крикнул:

– Товарищ полковник, я наверх! Догоняйте!

Лев прибавил шаг, догнал Быкова, и в лифт они вошли одновременно. Поднялись на девятый этаж. Там у раскрытой двери стояли двое полицейских в форме. Гуров показал удостоверение, один из полицейских посторонился, и вместе с Быковым они вошли в квартиру.

В нос ударил запах запекшейся крови, и неудивительно: комната напоминала картину из фильмов ужасов. По центру растеклась целая лужа крови, обои все в свежих потеках, а потолок буквально расписан бурными точками, словно умышленный художник три часа размахивал кистью, доказывая свою гениальность.

– Жуть какая! – выдал криминалист. – Лев Иванович, вы когда-нибудь видели нечто подобное?

– Да, зрелище не для слабонервных, – согласился Гуров. – Сдается мне, господин Кадацкий кому-то очень сильно насолил.

– Не могу не согласиться. Вряд ли его наказали за неправильную парковку. – Вадим сделал шаг вперед и чертыхнулся: – Черт, тут без бахил не обойтись. Сами же все следы затопчем. Лев Иванович, вы бы здесь постояли, а я поработаю.

Гуров остался у порога, Вадим извлек из чемоданчика бахилы, натянул поверх ботинок и начал осторожно передвигаться вдоль стены. Меблировка комнаты оставляла желать лучшего. Мебель хоть и современная, но весьма потрепанного вида: угловой диван с некогда кремовой обивкой, а теперь с пыльно-серым налетом и потертыми подушками, журнальный столик, «залеченный» изолентой в двух местах, шкаф, вмонтированный в стену с покосившейся дверцей. Из всего убранства выделялся лишь телевизор с широкой диагональю экрана и новехонький вентилятор, установленный возле окна.

На кухне обстановка выглядела и вовсе спартанской. Древний стол, такие же древние навесной шкаф и мойка, и здоровенный, но весь помятый, холодильник. Из крана в раковину капала ржавая вода, оставляя подтеки на белой эмали. Вместо портьер и в комнате, и на кухне – тканевые жалюзи. Лев осторожно, чтобы не стереть отпечатки пальцев, открыл холодильник. Полки оказались совершенно пустыми, морозильная камера тоже. В навесном шкафу стандартный набор посуды не лучшего качества, сахарница и непочатая пачка пакетированного чая.

Он перешел в ванную комнату. Ни зубной щетки, ни пасты на полочке не увидел. На бортике сидячей ванны притулился пыльный флакон шампуня. Полотенца на полотенцесушителе отсутствовали. На бачке унитаза стоял рулон туалетной бумаги, тоже довольно пыльный. «Похоже, квартира предназначается для сдачи внаем», – пришел он к выводу и, вернувшись в комнату, остановился на пороге:

– Что скажешь, Вадим?

– Приятного или полезного?

– Желательно, и то, и другое.

– Из полезного: налицо два набора отпечатков пальцев, четкие оттиски нескольких пар ботинок. Однозначно тех, кто устроил резню. Из приятного: осмотр будет коротким. По сути, здесь и осматривать нечего. Шкаф пустой, тумбочек-столов нет, личные вещи убитого отсутствуют.

– Короче, здесь мне ловить нечего, – подытожил Гуров.

– Думаю, да. Я еще повожусь, вдруг, да выстрелит. – Вадим вернулся к осмотру.

– Ладно, а я по соседям, – вздохнув, сказал Лев.

На «поквартирку» он отрядил трех человек из выездной бригады. Идти по всем соседям лично казалось пустой тратой времени. Все равно соседи ничего не расскажут, вот и Бронницкий так сказал, а он район получше знает. Сам Гуров решил обойти ближайших соседей. Этаж делился на два крыла, в каждом крыле по восемь квартир. В тех, что граничат стеной с интересующей его квартирой, двери никто не открыл. Либо жильцов дома не оказалось, либо просто с полицией связываться не захотели. Так или иначе, во всем коридоре удалось пообщаться лишь с двумя соседями. Первый, мужчина средних лет, проживающий через две квартиры от Кадацкого, заявил, что ничего подозрительного не слышал, мол, спал в берушах. Второй, парнишка лет двадцати пяти, на контакт пошел охотнее. Он подтвердил предположение Гурова, что квартира, в которой произошло убийство, сдается внаем, и добавил, что сам собирался ее снять, но в цене с хозяином не сошлись, и он снял ту, что занимал сейчас.

– Условия тут похуже, душ течет, мебель совсем гнилая, зато чуть ли не вполовину дешевле. А про убийство я ничего не знаю. Только то, что у подъезда женщины говорили. Одна так живописно расписывала, она почти весь полет наблюдала. У крыльца стояла, представляете? Вот бы он на нее

свалился, тогда бы отучилась за соседями подсматривать. Ох и вредная! Прилипала и командирша, – разошелся парнишка. – Я раз с девушкой пришел, а она давай на весь двор орать: опять ты своих шлюх через мой подъезд тащишь? Сифилис только вылечил, теперь триппер подхватишь. Девушка, естественно, свалила. А я, между прочим, ни одной подруги сюда не приводил.

– Говорите, она за всеми присматривает?

– Шпионит и подглядывает, – поправил парнишка. – На первом этаже живет, баба одинокая, чем еще заняться? Торчит у окна сутками.

– Сами что слышали-видели? – перевел разговор Гуров.

– Да практически ничего. Вроде кто-то крикнул: «Чего надо?» – или что-то в этом духе, а потом тишина. Удары слышал, как будто ковер выбивают. И все.

– В подъезд не выглядывали?

– На хрена? Это Гольяново, товарищ полицейский. Тут любопытство не приветствуется.

– Почему тогда здесь живете?

– А вы цены на рынке недвижимости знаете? Я в Москву на заработки приехал, а не для того, чтобы «бабки» тратить. Вот годика два попашу, денегат накоплю, вернусь на родину, куплю квартиру и буду жить припеваючи, – мечтательно закатыл глаза парнишка.

– Не боитесь не дожить до заветной мечты? Сами сказали, район здесь неблагополучный. Пройдет слух, что на кварти-

ру деньги откладываете, и полетите в окно, как ваш сосед.

– Это вряд ли. У меня «крыша» крутая, из «уголовки».

– В каком смысле? – не понял Лев.

– В прямом. В соседнем доме мой земляк живет, а он у «урок» в авторитете. Меня дядька к нему послал, сказал, он за мной присмотрит. Демин, кличка Трап. Может, слышали?

– Возможно, – уклончиво ответил Лев и повторил прежний вопрос: – Значит, никого в подъезде не видели?

– Никого.

– Телефон хозяина квартиры сохранился?

– В которой «чела» убили? Нет, зачем он мне, раз я другое жильё нашел, – пожал плечами парнишка. – Да вы в интернете поищите, на каждом сайте его квартира стоит.

Гуров поблагодарил за совет и отправился опрашивать жильцов дома напротив. У выхода из подъезда его остановил майор Бронницкий. Пришла «труповозка», и майора интересовал вопрос, можно ли увозить тело. Гуров дал добро на перевозку, парни погрузили тело, и машина уехала.

Опрос свидетелей из соседнего дома как-то сразу не задался. Лев только и успел подняться на лифте на девятый этаж, как двери открылись, и перед ним возникла фигура женщины необъятных размеров. Она загородила весь проход, и по всему было видно, что сдавать позиции дама не собирается.

– Ну и чего это мы по чужим домам шастаем? – взревела женщина-гора. – Мало своих охламонов, так еще вы сюда

претесь! Загадите тут, а Марго потом убирай?

– Доброе утро, – стараясь сохранять спокойствие, проговорил Лев. – Уголовный розыск, мадам, полковник Гуров. Разрешите пройти?

Он достал удостоверение, но женщина и бровью не повела, продолжая высказывать свое недовольство.

– Да плевать мне на твои писульки! Что мент, что урка, срач от вас один и тот же. Сказала: проваливай! Не пущу на свой этаж!

– Гражданка, вы не понимаете, что нарушаете закон? В соседнем доме произошло убийство, сейчас оперативно-разыскная бригада осуществляет розыскные действия.

– В соседнем убили, там и осуществляйте что хотите, а на свой этаж я вас не пущу! – не успокаивалась женщина-гора. – Мне своего говна хватает, чтобы еще за вами выгрести.

– Вы можете пройти со мной, – предложил Гуров, – и удостовериться, что ничего из вашего списка я совершать не собираюсь. Все, что мне нужно – это пообщаться с жильцами девятого этажа. Вы, полагаю, тоже здесь живете?

– Да на хрена мне этот гадюшник сдался? Я женщина серьезная, в такой дыре жить не собираюсь.

– Значит, вы здесь работаете?

– Ты что это, допрашивать меня вздумал? Да мой мужик тебя за такую наглость в порошок сотрет! Он и за меньшую наглость мальков вроде тебя «на перо» сажал.

– Простите, Маргарита, верно? Давайте немного остынем

и поговорим спокойно. – Гуров едва сдержал удивление, услышав заявление женщины о наличии у нее поклонника, да еще такого ревнивого.

– Для кого Маргарита, а для кого госпожа Сивкова, – не сбавляя тон, представилась женщина.

– Госпожа Сивкова, мы можем поговорить в более дружеском тоне?

– С ментом дружбу водить? На черта ты мне сдался?

– Послушайте, может, позовете своего друга, и мы с ним обсудим создавшуюся проблему? – Лев искренне надеялся, что друг женщины-горы окажется более адекватным. Надо было как-то выходить из положения, не звать же ОМОН, чтобы те силой убрали женщину с дороги.

– Оботрешься! – грубо заявила она. – Иди, откуда пришел, не нарывайся на проблемы.

За все время разговора в коридор не выглянул ни один жилец, из чего Гуров сделал вывод, что женщина-гора обладает реальным авторитетом на отдельно взятом этаже. «Придется уступить, – решил он. – В любом случае заставить ее уйти силой – не лучший вариант. Вряд ли после этого кто-то станет со мной откровенничать». Лев молча отступил на шаг назад, нажал кнопку с цифрой «восемь», двери закрылись, и кабинка поехала вниз.

– Правильное решение, мент! – Голос женщины-горы эхом отдавался в шахте лифта. – Больше здесь не появляйся и парням своим скажи, что Марго шутить не умеет и не

любит.

Гуров вышел на восьмом этаже. Обошел квартиры сначала в левом крыле, затем в правом. Ничего существенного не узнал, но и в неприятную ситуацию больше не попал. К десяти утра он вернулся на Петровку, где принялся составлять план оперативно-разыскных мероприятий на ближайшее время.

Глава 2

Список мероприятий вышел внушительный, но Орлов дал добро задействовать столько сотрудников отдела, сколько Гуров сочтет нужным, так что по поводу нехватки человеческих ресурсов Лев не переживал. Собрал команду, провел вводный инструктаж и послал людей на задания.

Оперативников, капитана Изотова и майора Хитенко, – в домоуправление в Гольяново и к погибшему по месту прописки. Изотову предстояло собрать сведения о владельце квартиры, где произошло убийство, а Хитенко узнать все про Кадацкого и попытаться связаться с его родственниками.

Старлея Минаева отослал к оперуполномоченному Юхимишину, которого Бронницкий порекомендовал как эксперта гольяновской тусовки. Минаеву предстояло подготовить список тех, кто, по мнению Юхимишина, готов сотрудничать с властями. Плюс от него требовалось собрать записи со всех близлежащих камер. Далее эти записи просмотрят эксперты, отсеивая тех, чья внешность или поведение вызовут подозрения.

Сам Гуров планировал посетить офис фирмы Кадацкого, но перед этим собирался нанести визит вице-губернатору. Прежде чем начинать расследование, он хотел убедиться, что политические мотивы можно исключить, а для этого необходимо понять, в чем заключается личная заинтересо-

ванность высокопоставленного чина в расследовании убийства директора развлекательного агентства.

Лев предполагал, что с последним пунктом возникнут проблемы, но ошибся. Примерно без четверти одиннадцать на его сотовый поступил звонок. Звонил сам вице-губернатор. Говорить по телефону оба посчитали нецелесообразным, поэтому условились встретиться на нейтральной территории, в парке «Сокольники», на открытой площадке летнего кафе неподалеку от детского ортопедического центра.

Место назначил вице-губернатор, мотивируя выбор тем, что находится там по делам и сможет выкроить в плотном графике двадцать минут на беседу. По этой же причине предложил выслать за Гуровым автомобиль. От предложения Лев отказался, заявив, что доберется сам.

Через двадцать минут он был у входа в парк. Ориентируясь на указатели, быстро нашел интересующее кафе. Осмотрев посетителей, пришел к выводу, что вице-губернатор еще не прибыл. Заказал стакан минеральной воды, устроился на теневой стороне и приготовился к долгому ожиданию. И снова не угадал. Не прошло и пары минут, как на дорожке в сопровождении двух нехилых ребят показался мужчина средних лет, облаченный в официального покроя костюм и строгий галстук. Он поднялся на помост, отделяющий зеленую зону от зоны кафе, осмотрелся и направился напрямик к столику Гурова. Сопровождающим был дан знак оставаться на месте.

– День добрый, полковник Гуров? – Приветствие вице-губернатор совместил с церемонией представления.

– Лев Иванович, если вам так удобнее.

– Отлично. У меня ограниченный запас времени, а обсудить нужно много, так что перейду сразу к делу. Как вы уже знаете, сегодня был убит Валерий Кадацкий. Мне сообщили о его гибели в числе первых. Почему? Потому что при нем обнаружена моя визитка. Признаться, я рад, что так сложилось. О том, что мы с Валерием на протяжении последнего месяца имели систематические встречи, в органах узнали бы достаточно быстро, но выводы сделали бы наверняка не в мою пользу. Теперь же я имею возможность контролировать ситуацию.

– Вы сказали, времени в обрез, так зачем эти отступления? – Последнее заявление Гурову явно не понравилось, и он не стал этого скрывать.

– Понимаю, вы против контроля, но, думаю, в данном случае пользы от меня будет больше, чем вреда. Скоро вы в этом убедитесь. – По губам вице-губернатора скользнула едва заметная улыбка. – А теперь о главном: до сегодняшнего утра я являлся клиентом Валерия. Он готовил подарок-сюрприз для одного очень близкого мне человека. Имя не назову, так как это несущественно, подарок не был подарен. А вот суть подарка описать придется. Вы еще не были в агентстве Валерия?

– Не успел, – признался Гуров.

– Понятно. – Вице-губернатор побарабанил пальцами по столу. – Тогда объяснить будет сложнее.

– Что объяснить?

– Чем именно занимался Валерий. Дело в том, что его подарки – это не совсем подарки в изначальном понимании этого слова. Он не организует пышные банкеты, не ангажирует встречи с интересными людьми, не достает эксклюзивные вещицы. Он создает продукт, интересный лишь одному человеку. Тому, кому предназначается. Кадацкий заочно знакомится с человеком, которому предназначается подарок. Он изучает его привычки, каким-то непостижимым образом извлекает из скудной информации сведения о его самых заветных и сокровенных мечтах, суммирует полученные данные и выводит точную картину того, что человек хотел бы пережить, но по каким-то причинам не может этого сделать, или еще не успел воплотить свой замысел в жизнь. И Кадацкий предоставляет человеку такую возможность с минимальными потерями.

– Не совсем понятна фраза: «с минимальными потерями», – остановил монолог Гуров. – Значит ли это, что потери все же имеют место, и о каких именно потерях идет речь?

– Ситуации, спровоцированные Кадацким, не всегда укладываются в рамки общепринятых норм и правил.

Лев буквально физически ощущал, как сложно вице-губернатору подбирать слова. Было ясно, что тот опасается сказать лишнее и в то же время всеми силами пытается за-

дать верное направление ходу мыслей полковника.

– Послушайте, так дело не пойдет! – резко откинулся он на спинку кресла. – Насколько я понял, вы настояли на том, чтобы дело поручили мне. Тому должна быть причина, и, думаю, я знаю, что это за причина. Так не проще ли отбросить условности и говорить без купюр? Быстрее – уж точно.

– Вы правы, я навел о вас справки, – признался вице-губернатор. – Отзывы о вас как о сыскаре весьма высокие. Но остановить свой выбор на вас меня заставило даже не это. Высокие моральные принципы, вот что сыграло решающую роль. Благородство, честность, неподкупность, порядочность, справедливость – эти эпитеты звучат практически в каждом отзыве, причем совершенно неважно, от кого они исходят, от никому не известной старушки или же от матерого «уркагана». А мне как раз и нужен человек порядочный и благородный.

– Прекрасно, с этим разобрались, – кивнул Лев. – И раз уж вы меня выбрали, условия сотрудничества буду диктовать я. Не потому, что хочу чувствовать себя выше, а потому что так продуктивнее. Итак, первое: для кого вы организовывали подарок?

– Я уже сказал: это несущественно, – начал вице-губернатор, но Лев снова остановил его:

– Как раз это очень важно! Вам придется научиться мне доверять. В противном случае разговор не имеет смысла. Вы можете уйти прямо сейчас. С вашей помощью или без тако-

вой убийц я найду.

– Хорошо, будь по-вашему, – сдался вице-губернатор. – Но вы должны понимать, что эта информация сугубо конфиденциальная. Никому, даже начальству вы не можете ее продублировать.

– Если этого не потребует следствие.

– Следствие этого не потребует.

– Начинайте говорить, – поторопил Гуров.

И вице-губернатор заговорил. В свои шестьдесят три года он впервые осознал, что значит отцовская ответственность. Если говорить как на духу, желанием иметь семью, со всеми вытекающими отсюда последствиями, он никогда не горел. Ни в двадцать, ни в сорок, ни в те же шестьдесят три. Но семьей обзавелся, для статусности. В двадцать семь выбрал себе спутницу жизни, да так с ней и остался.

А вот с детьми затянули. Супруга сама не горела желанием стирать пеленки и подтирать детский зад, будь он трижды родным. И все же ребенок у них появился. После тринадцати лет супружества в их доме поселился орущий комочек по имени Павел. К тому времени у вице-губернатора имелся целый сонм прислуги, так что особых хлопот ребенок не доставлял. Рос себе и рос. Ходил в ясли, затем в детский сад, потом в школу. В восемнадцать, как положено, поступил в институт, но и тут проблем родителям не доставил.

С чего все началось? Пожалуй, с любопытства жены. Год назад она вдруг решила, что пора стать настоящей матерью.

И тут-то начались проблемы. Оказалось, что их двадцатидвухлетний сын категорически отказывался пускать в свою взрослую жизнь родителей, которые до сего времени не имели ни малейшего желания в ней участвовать. Но сдаваться жена не собиралась. Она решила во что бы то ни стало отвоювать статус идеальной матери. Билась новоиспеченная мать долго, больше восьми месяцев, пока не получила по заслугам. Оказалось, что их взрослый сын считает себя сиротой. Нет у него ни отца, ни матери, ни больше ни меньше. Как об этом узнала супруга? Прочла в блоге, который откопала в ноутбуке сына.

Истерика, которая случилась с женой, запомнилась всем домочадцам. Трижды «Скорую» вызывали. Две недели по дому на цыпочках ходили, разговаривали шепотом, дверями старались не скрипеть. А в конце второй недели супруга объявила, что пока он, ее законный супруг, не найдет способ вернуть сына в семью, покоя им не видать. И срок поставила: шесть месяцев, аккурат до двадцать третьего дня рождения Павла.

Вице-губернатор условие принял, с неделю думал, как подступиться к выполнению волеизъявления жены, а потом начал действовать. Осторожно, без напора, без спешки. И оказалось, что его молодой сын весьма интересная личность. Ум, эрудиция, врожденная смекалка, ну и образование, конечно, – все это в совокупности делало сына неординарным человеком. Отношения с ним налаживались не по дням, а

по минутам. Вице-губернатор вдруг осознал, что общение с сыном стало весьма важным для него.

Но и для этой бочки меда нашлась ложка дегтя. Как-то зашел у него с Павлом разговор про законность и наказание. И тут в словах сына проскользнуло нечто, что заставило вице-губернатора насторожиться. Нет, в открытую про «уголовную романтику» он не говорил, желания пожить по «воровским» законам не изъявлял. И все же что-то в его ответах было такое, что дало пищу для размышлений.

А тут как раз коллеги принялись активно обсуждать «подарок», который преподнес один из них своему брату. Тот всю жизнь бредил романтикой «горных людей», тех, кто покоряет Эверест и прочие горные высоты. В сорок пять начинать заниматься верхолазанием как-то поздновато, а вот ощутить на себе экстрим этого образа жизни, чтобы навсегда желание лезть по скалам отпало, – в самый раз. Обратившись в ивент-агентство, он попал в руки Кадацкому, и тот все устроил в лучшем виде. Да как! Без ведома юбиляра, его забросили на снежную вершину, снабдив экипировкой, питанием на три дня и рацией, работающей только тогда, когда этого пожелает устроитель экстрима. Ощущения от «подарка» у брата остались непередаваемые. А желание лазать по горам отпало напрочь.

Вице-губернатор начал собирать сведения о Кадацком, о стиле его работы и выполненных заказах и понял, что он идеальный вариант. Встреча с Валерием только укрепила в

выводах. Кадацкий выслушал проблему вице-губернатора и дал однозначный ответ: в течение двух недель обязуется выяснить, чем «болеет» его сын.

И выяснил. У отца волосы дыбом встали от полученного ответа! Оказалось, его единственный сын, которому никогда и ни в чем не было нужды и отказа, мечтает о карьере вора-афериста. Мошенника высшего класса, так сказал Кадацкий. Вор-одиночка, вне законов, правил и условностей. Что-то типа Нила Кэффри из американского сериала «Белый воротничок». Авантюрист, ворующий драгоценности, картины и другие эксклюзивные ценности, демонстрируя недюжинную силу ума и интеллекта.

Вот когда вице-губернатор осознал, что время упущено, правильные установки в голову сына не вложены, и исправить уже ничего нельзя. Но! Валерий Кадацкий за определенную сумму и оговоренный срок взялся ситуацию исправить. Так и сказал: к первому июля у вашего сына желание стать вором-аферистом пройдет без следа. И вице-губернатор ему поверил.

С того памятного разговора прошло чуть больше трех недель. Подготовка «подарка-поучения» шла полным ходом, отчеты Кадацкого впечатляли. И вдруг этот звонок. До вице-губернатора не сразу дошло, что случилось непоправимое, спросонья он даже не понял, почему начальник Гольяновского отделения полиции звонит ему с сообщением о совершенном преступлении. Но мозг, привыкший работать в

экстремальных условиях, за полторы минуты адаптировался к новой реальности и начал функционировать в полную силу.

Распоряжение о том, чтобы местные полицейские не совали нос в это дело, отдал, конечно, он. Затем целая череда звонков, которая привела его к генералу Орлову с настоятельной «просьбой» откомандировать в Гольяново полковника Гурова. С просьбой, выполнить которую, он заведомо знал, тот не сможет отказаться. Сделал он это не ради того, чтобы его имя не полоскали на первых полосах средств массовой информации (хотя и это тоже, что греха таить?), а для того, чтобы быть уверенным: его вины в смерти Кадацкого нет.

– Теперь вы знаете ровно столько, сколько и я, – подвел черту вице-губернатор. – Я не требую ежедневного отчета о проделанной работе, не жду звонков каждый час. Все, чего я хочу, это иметь возможность получать актуальную информацию о ходе расследования не от журналистов, а из первоисточника.

– Вам известно, почему Валерий Кадацкий оказался в районе Гольяново на съемной квартире? – Гуров сразу перешел к насущным вопросам, оставив анализ душещипательной истории жизни вице-губернатора до лучших времен.

– Нет, мне об этом ничего не известно, – ответил вице-губернатор. – Валерий не докладывал мне, в чем именно заключается подготовка проекта. Возможно, его визит в Голья-

ново связан с другим заказом. Насколько я знаю, он вел одновременно несколько проектов. В каких-то лишь консультантом, в каких-то сценаристом или чем-то в этом роде. Мой проект он вел один.

– Если окажется, что его гибель связана с вашим заказом, что тогда?

– Давайте не будем строить предположения, – чуть помедлив, произнес вице-губернатор. – Я все-таки надеюсь, что это не так. Позвольте мне хоть какое-то время утешаться этой надеждой. Достаточно того, что проект исправления моего сына полетел к чертям, так зачем усугублять ситуацию?

– Полагаете, никто из сотрудников агентства не сможет довести проект до конца?

– Я не собираюсь посвящать в проблемы своей семьи кого бы то ни было, – нахмурился вице-губернатор. – И вам советую имя Павла, а также степень нашего родства нигде и никогда не упоминать. Я – заказчик, Кадацкий – исполнитель заказа. Для кого предназначался подарок, не столь важно, раз уж проект все равно не был завершен. Вы не согласны?

– Тут вы, пожалуй, правы, – вынужден был согласиться Гуров.

– И потом, я не требую полностью исключить мое имя из докладов вышестоящему начальству и даже подчиненным. Первоначальной версии для них будет достаточно. Подарок очень важному для меня человеку. Вот каков мой ответ.

– Я вас понял, – поднимаясь, кивнул Лев. – Думаю, для первого раза откровений достаточно. В случае необходимости я вам позвоню.

– Моя помощь вам наверняка понадобится, как только вы переступите порог агентства, – уверенно произнес вице-губернатор, поднимаясь вслед за ним. – Так что звоните, помогу всем, чем смогу.

На этом они расстались. Гуров быстрым шагом покинул кафе, вице-губернатор еще какое-то время стоял у входа, провожая его взглядом, затем дал отмашку сопровождающим и зашагал в направлении ортопедического центра.

В ивент-агентстве «Особый шик» Гурова уже ждали. Не его лично, но представителей его профессии – точно. Заголовки информационных интернет-порталов с восьми утра пестрели сообщениями о смерти Валерия Кадацкого. Откуда произошла утечка информации, догадаться было несложно. Журналисты района Гольяново криминальными новостями кормятся сами и кормят свои семьи, так что у каждого уважающего себя журналиста есть «свой человек» в отделе полиции.

Располагалось агентство в престижном районе Хамовники на Фрунзенской набережной, в одноименном бизнес-центре. Два независимых помещения на втором этаже – довольно неплохо для Москвы. При входе улыбающаяся девушка-администратор, открытая для общения и помощи.

Несмотря на хрупкий и доброжелательный вид, дальше стойки администратора пройти проблематично, если не готов сообщить цель визита или имя агента, с которым назначена встреча, что тоже говорит об определенном статусе фирмы.

Гуров предъявил администратору удостоверение, после чего девушка провела его в левое крыло к кабинету с табличкой «Управляющий партнер». Она трижды ударила по косяку, осторожно повернула ручку и робко сообщила:

– Юлия Андреевна, тут из полиции пришли.

– Так веди, бестолочь, каждый раз одно и то же, – услышался раздраженный ответ.

Администратор залилась краской, открыла дверь шире, пропуская полковника, сама же предпочла остаться за дверью.

– А, так вы уже здесь? – Раздражения в голосе поубавилось, но смущением и не пахло. – Проходите, я вас жду.

Гуров вошел в кабинет. Кирпичная стена, открытые балки, решетчатые оконные рамы, все в серо-коричневой гамме – меблировка в стиле лофт. Исключение – солидный классический стол резного дуба, а на нем две тонюсенькие вазочки розового цвета. За столом, на деревянном «троне», подругому и не скажешь, восседала та, кого администратор назвала Юлией Андреевной. Довольно размытые черты лица, стрижка ежиком, две огромные серьги ниже плеч, спортивного стиля майка. Если бы администратор не назвала имени, Гуров вряд ли сообразил бы, что перед ним женщина. Про-

куренный голос тоже не способствовал идентификации пола.

– Вы из какого отдела? – Вопрос Юлии Андреевны прозвучал неожиданно.

– Из полицейского, – без тени улыбки ответил Гуров.

– Очень смешно, – фыркнула она и тут же нахмурилась: – Вопрос без подкола.

– Главное управление МВД, Петровка, – отрапортовал Лев. – Полковник Гуров, вот удостоверение.

– Это лишнее, – отмахнулась от протянутого документа Юлия Андреевна. – Присаживайтесь, я жду подробностей.

– Подробностей чего? – манера общения женщины озадачила Гурова.

– Как чего? Убийства, конечно, – в свою очередь удивилась Юлия Андреевна. – Пришла на работу в девять, а тут все на ушах стоят. «Юлия Андреевна, Валерика убили!» Представляете мое состояние? У меня компаньона убили, а я ни сном ни духом. Кофейку попила, сырком заела, и даже не екнуло нигде.

– Боюсь, подробностей не будет, – заявил Гуров. – Наверное, вы не расслышали, я – полковник полиции, старший оперуполномоченный по особо важным делам, отдел по расследованию убийств. По расследованию, а не освещению. Разницу улавливаете?

– Да бросьте! Вам же известны подробности, почему не поделиться? – Юлия Андреевна будто не слышала официальных нот в его голосе. – Что вам стоит по-дружески по-

делиться информацией? Вы мне – я вам, обоюдовыгодная сделка.

– Похоже, мы не с того начали. – Лев, занявший было свободный стул, поднялся. – Придется выслать повестку и провести беседу на Петровке.

– Ой, ладно, незачем пугать, – всполошилась Юлия Андреевна. – Еще в камеру меня запрятать пригрозите, до выяснения. Я, между прочим, тоже официальный представитель. Раз Валерика не стало, я здесь главная.

– Вот и выясним, имелись ли у вас причины желать смерти партнеру по бизнесу, – с нажимом произнес Лев.

После этой фразы цвет лица Юлии Андреевны поблек, веселость как ветром сдуло, она отшатнулась и заговорила совсем другим тоном:

– Хорошо, я урок усвоила. Присаживайтесь, готова ответить на все интересующие вас вопросы.

Гуров снова сел. Дальше беседа пошла в том русле, которого он и добивался. Авдониная Юлия Андреевна являлась управляющим агентства больше трех лет. На должность попала, пройдя конкурсный отбор, который проводил сам Кадацкий. В ее ведении находился целый ряд задач: подбор кадров, контроль за ведением документации, клиентская база, архив и прочая бумажная волокита.

Помимо Юлии Андреевны агентство насчитывало порядка пятнадцати сотрудников. Не так много, но для ивент-агентства и эта цифра почти запредельная. По словам Юлии

Андреевны, большинство таких агентств имеют в штате от двух до пяти человек. А агентств со штатом более пятидесяти в России всего три, так что «Особый шик» можно считать преуспевающим бизнесом еще и по количеству сотрудников.

Валерий Кадацкий – основатель агентства, он же генеральный директор, он же начальник отдела развития, он же начальник отдела по работе с клиентами, творческого и производственного отделов. По сути, Кадацкий и есть агентство «Особый шик». Вернее, был. На нем держались все составляющие работы фирмы, ему подчинялись все службы, его слово было решающим при возникновении спорных вопросов.

За десять лет существования агентства через него прошло огромное количество клиентов. В среднем в месяц агентство успевало выполнить от пяти до пятнадцати заказов. Стоимость каждого заказа исчислялась шестизначными цифрами, точных цифр Юлия Андреевна, по понятным причинам, называть не стала, как не стала называть и имен клиентов, сославшись на пункт о конфиденциальности, прописанный в двустороннем договоре, который подписывается с каждым клиентом до начала работы.

В настоящий момент большая часть сотрудников фирмы находилась в отпуске. Лето – время, когда приток клиентуры ослабевает из-за сезона отпусков. Людям и так хорошо, раз они могут не думать о работе. Каждый год до сентября агентство работало в щадящем режиме. На настоящий момент в

разработке находилось всего два проекта, один из которых – персональный. Это означало, что обслуживает его Валерий Кадацкий в одном лице.

Таких клиентов, по словам Юлии Андреевны, у Кадацкого всегда хватало, но последний год брался он только за самые «уникальные», как он сам их называл. Что это означало? Либо клиент «шишкатый», либо презентуемый безбашенный. Переводя на нормальный язык, клиент имеет особый вес во власти, или же человек, для которого организуют подарок, желает нечто из ряда вон выходящее.

Рассказала Авдониная и о том, в чем заключается суть постановочных подарков-сюрпризов. Не называя имен, конечно, но на начальном этапе Гурову было достаточно и этого. В основном заказывали экстремальные виды отдыха, такие, как поездка в отдаленные африканские деревни или трущобы Бангкока и Мумбаи. Клиенты в таких местах пытаются выжить неделю, но на самом деле не выдерживают и двух дней. Зачем это богатым людям? Да чтобы вновь почувствовать ценность денег и комфорта.

Еще один популярный подарок-презент, тоже на выживание и тоже в отдаленных районах, но на этот раз без вшей и сифилиса: таежная глушь с ее непроходимыми болотами, кавказские горы с частыми обвалами и дикими животными, вечная мерзлота и палящее солнце пустыни. Все это позволяет пресыщенным развлечениями богачам почувствовать себя сильными, выносливыми представителями мужского

сословия, в прежнем понимании этого слова.

Кадацкий за штамповые заказы брался только поначалу, да и то старался привнести определенный колорит в банальный поход в тайгу. Когда пришла Юлия Андреевна, Валерий уже совсем не работал по штампу. Так как подбором клиентов занимался исключительно он, ему и карты в руки. Тех клиентов, которые его чем-то заинтересовали, он в агентство не приводил, предпочитал работать на нейтральной территории. Правда, процент с заказов в общий котел отстегивал, отчего Юлия Андреевна и не возражала против такого «кальма» директора.

С кем работал Кадацкий в текущий момент, Юлия Андреевна не знала. Знала только, что заказ есть, что Валерий отрабатывает какой-то сложный сценарий, захвативший его с головой. Почему он оказался в районе Гольяново, Юлия Андреевна сказать не могла. Она даже не была уверена, привели ли его туда дела фирмы или же это был визит личного характера.

Второй проект, над которым работала фирма, вел менеджер по имени Алик. Вместе с ним работала целая группа сценаристов и декораторов, преображая частную территорию взятого в аренду пригородного Подмосковья в эдемский сад, ни больше ни меньше. Для кого предназначался презент, Юлия Андреевна снова ответить отказалась, но Гуров не особо и настаивал.

Насчет недоброжелателей он получил однозначный ответ

– таковых у Кадацкого не было и быть не могло. Добрейшей души человек, откуда у такого враги? Недовольные клиенты? Упаси бог! Все клиенты довольны, как слоны. На личном фронте у Кадацкого все гладко. Жена-красавица, дом – полная чаша, чего еще желать? Детей? Так думали, успеется, какой у Валерика возраст?

В деньгах он не нуждался, с властями дружил, в политику не лез и в криминале замешан не был. Одним словом, никаких предпосылок для убийства. Сама Юлия Андреевна только ради красного словца упомянула о полученной власти. Куда она без Кадацкого? Как пить дать, клиентская база в момент поредеет, как только слух пройдет, что Валерик больше «Особым шиком» не заправляет. На нем же все держалось, так что выгоды от его смерти Авдонина не поймет, это точно.

Когда Гуров сказал, что желает пообщаться с коллективом, Юлия Андреевна насторожилась. Отказать полковнику она не могла, поэтому сделала ход конем: пошла вместе с ним – в присутствии начальства кто ж станет откровенничать? Походил Лев по отделам, одни и те же вопросы задавал, получил однотипные ответы и так ни с чем бы и ушел, если бы не случай. Пока он беседовал с сотрудницами из отдела декораторов, у Юлии Андреевны зазвонил телефон. Звонок, по всей видимости, носил конфиденциальную информацию, так как Авдонина вынуждена была выйти из комнаты и даже приглушить звук динамика.

В этот момент Гуров заметил, как из туалета вышла девушка. Вся в слезах, глаза покраснели, тушь растеклась. Она прошла к дальнему ряду столов, уселась на свое рабочее место, но приступить к работе так и не смогла. Девушка, занимавшая стол напротив, обратилась к заплаканной коллеге:

– Хватит выть, Светка, мы за тебя работать не нанимались. Сейчас Андрюша придет, всем мало не покажется.

– Да отвали ты! – грубо оборвала ее Светка. – Пусть она сама работает. Ей наплевать, что Валерика убили. А ведь могла его остановить, но нет, ей «бабки» подавай, да побольше.

На Светку зашикали со всех сторон, и та недоуменно оглянулась по сторонам:

– Чего шипите. Или не согласны со мной? – Тут она увидела Гурова и, смутившись, втянула голову в плечи, но вслух сказала: – Да плевать, пусть докладывает. Все равно скоро фирме конец.

Гуров открыл рот, чтобы сказать, что передавать слова девушки никому не собирается, но тут в декораторскую вернулась Юлия Андреевна, и он поспешил увести ее подальше от заплаканной девушки. Вместе они побывали еще в двух кабинетах, затем Лев записал номер телефона Авдониной и, попрощавшись, ушел.

На крыльце задержался на несколько минут перекинуться парой слов с дворником. Когда переходил дорогу, услышал позади звук шагов: кто-то почти бежал, догоняя его. Он

оглянулся и увидел Светку. Та махнула рукой, подзывая его к себе, резко развернулась и скрылась за дверью ближайшего магазина. Гуров пожал плечами и последовал за девушкой.

– Идите же скорее сюда! – Светка схватила его за руку и потащила к дальним прилавкам. – Отойдите от витрины, вы там как на ладони. У Андрюши знаете какой глаз, настоящий рентген-аппарат.

– Андрюша – это кто? – поинтересовался Лев.

– Юлия Андреевна, кто ж еще? – удивилась девушка непонятливости полковника. – А вы точно из полиции?

– Точно, – подтвердил он и достал удостоверение.

В отличие от Юлии Андреевны, Светка долго его изучала, затем удовлетворенно кивнула и снова заговорила:

– Вы ее не слушайте, ей на всех наплевать. Только деньги интересуют, а какой ценой – без разницы. – Говорила Светка быстро, с жаром, сразу становилось ясно – тема затронута актуальная, болезненная. – Она и мать свою под пулю отправила бы, если бы за это деньги заплатили.

– Вижу, вы не фанатка Юлии Андреевны, – усмехнулся Гуров. – Допустим, ей я верить не должен, а чего ради мне верить вам? Вдруг вы собираетесь моими руками отомстить ненавистной начальнице, потому и решились очернить ее в моих глазах?

– Бред, никого я очернять не собираюсь, – отмахнулась Светка.

– А впечатление создается, что как раз этим вы и занима-

етесь.

– Значит, и вы на ее стороне? Зря я рисковала, зря с работы сбежала. – Светка чуть не расплакалась от досады.

– Нет, вы не ошиблись, я ни на чьей стороне, и уж не на стороне Юлии Андреевны точно, – поспешил Лев успокоить девушку. – А на чьей стороне вы?

– Я за справедливость, – заявила Светка, но голос ее при этом дрогнул. – Не хочу, чтобы эта мымра чистенькой вышла, потому как думаю, Валеру мог убить кто-то из клиентов. Вернее, из бывших «подаливцев».

– Не понял, из кого?

– «Подаливцы» – так мы называем тех, кто получает подарок от своих друзей и родственников руками нашей фирмы. Подарок и счастливы, вместе получается «подаливцы».

– Почему они могли его убить? Вернее, за что?

– За подарки, за что же еще.

– А точнее?

– Ну, многие из тех подарков, которые готовит сам Валера, не приносят радости получателю. Последствия от таких подарков бывают нежелательные.

– Что за последствия?

– Не могу сказать, времени слишком мало, а в двух словах всего не опишешь. Вот вам, например, понравилось бы, если бы ваша жена вам изменила как раз в тот момент, когда вы наслаждались ее подарком? Или бизнес ваш полетел бы к чертям, потому что после получения подарка вы не можете

вести бизнес так, как вели раньше?

– Думаю, не понравилось бы, – согласился Гуров.

– Вот и им не нравилось. Сколько раз они приходили с угрозами к Валере, сколько раз он вынужден был скрываться от таких «подаливцев» у... – Светка вдруг осеклась.

– У вас дома, – договорил за нее Лев.

– Да, у меня дома, – с вызовом повторила Светка. – И что? Такое случается, служебный роман, банальная история. Но дело не в этом. Просто, просто...

Больше говорить она не могла, слезы душили ее. Еще пару минут пыталась совладать с эмоциями, потом махнула рукой и выбежала из магазина. Догонять ее Лев не стал. Теперь он знал, к кому обратиться за информацией о личной жизни Кадацкого, а подходящий момент непременно наступит.

Глава 3

К трем часам дня поступила информация от Изотова и Хитенко. С помощью домоуправа Изотов вышел на хозяина квартиры, но встретиться с ним не удалось. На телефонный звонок тот ответил, а вот личной встречи не получилось, так как тот уехал на неделю в Сочи. Законный отпуск каждый волен проводить там, где ему больше нравится. Пришлось Изотову ограничиться телефонным разговором.

Выяснилось, что жилье тот сдает не через агентство, а размещает объявление на бесплатных ресурсах. Постоянных жильцов не имеет, только сезонных и командировочных. Платят они на порядок выше, поэтому хозяина подобный расклад вполне устраивает.

По поводу последнего жильца вышла загвоздка. Сам хозяин с ним не встречался ни разу, только созванивался по телефону. Деньги за проживание получил авансом сразу всю сумму, квартиросъемщик перевел их на карту в день заезда. Въехал неделю назад, а оплату произвел сразу за две недели, так что у хозяина жилья оставалась законная неделя, чтобы не париться насчет поиска квартиросъемщиков.

Он подтвердил, что сдал жилье мужчине. Как тот представился, точно не помнил. Валерий? Вполне возможно. Хозяин предупредил его насчет шумных компаний, мол, соседи этого не любят, и тот заверил, что никаких проблем с сосе-

дями не возникнет. И действительно, за семь дней ни одной жалобы на него не поступило, так что и в этом плане хозяину квадратных метров переживать причин не было.

Изотов поинтересовался, когда тот собирается вернуться в Москву в связи с изменившимися обстоятельствами. Хозяин жилья уточнил: требуется ли его присутствие по закону или все же время терпит? Дело в том, что в курортном городе Сочи он проходит лечение, и прерывать его нежелательно. Изотов пообещал выяснить этот вопрос у начальства, на этом разговор завершился.

Гуров дал Изотову новые инструкции: с вызовом можно повременить, а вот сведения о телефонном номере квартиросъемщика и номере карты, с которой тот переводил деньги, выяснить как можно скорее. Изотов ушел выполнять задание, а Лев же перешел к отчету Хитенко.

Майору повезло не намного больше. На квартире Кадацкого ему никто не открыл, правда, удалось пообщаться с соседями. Так он выяснил, что у убитого имеется супруга, Алла Кадацкая, которая в данный момент отдыхает в Испании. Муж подарил путевку на две недели, и та укатила, оставив супруга продолжать зарабатывать деньги на ее развлечения.

Информацию выдала соседка с нижнего этажа, домохозяйка с двумя детьми-погодками и с экзотическим именем Изабелла. Хитенко сделал вывод, что Изабелла жутко завидует Алле, так как та имеет возможность развлекаться, в то время как Изабелла вынуждена париться в душной Москве.

По этой причине словам Изабеллы о том, что личные отношения Кадацких оставляют желать лучшего, Хитенко особого значения не придавал, но на заметку взял.

Та же Изабелла сообщила, что у Валерия есть брат Альберт, но в дом Кадацких он не вхож. Алла брата Валерия терпеть не может, называет «трутнем» и «пиявкой», постоянно твердит, что тот сосет деньги из семейного бюджета. Как относился к брату сам убитый, Изабелла не знала. С Кадацким она практически не общалась, только с его супругой, и то постольку-поскольку. Однако номер телефона Аллы у Изабеллы нашелся, как и название отеля, в котором остановилась Кадацкая.

Без распоряжения от Гурова Хитенко Аллу о смерти мужа уведомлять не стал, оставил на усмотрение полковника. От других соседей никаких существенных дополнений к рассказу Изабеллы не было, а распоряжений без присутствия хозяев вскрывать квартиру Кадацких он не получал.

Гуров и не ждал, что Хитенко выполнит за него грязную работу. Сообщать родственникам о смерти близкого человека – дело неблагодарное и всегда неприятное. Сообщать трагическую весть по телефону – вдвойне тяжело. Такую работу Лев предпочитал делать сам. Отправив Хитенко ждать новых распоряжений, он набрал номер Аллы и приготовился к потоку слез, который наверняка затопит линию, как только новость дойдет до адресата.

– Кадацкая, слушаю, – сняла трубку после второго гудка

Алла.

– Здравствуйте, Алла. Вас беспокоит полковник Гуров из Москвы...

– Полковник? Какой полковник? Вы по поводу августовских мероприятий? – не дала она ему договорить. – По-моему, еще рано беспокоиться, вам не кажется?

– Это не насчет мероприятий, – дождавшись паузы, вклинился Гуров. – Вас беспокоит Московский уголовный розыск. По поводу вашего мужа, Валерия Кадацкого.

– А что с ним не так? Правила парковки нарушил? – снова перебила Алла. – Если у него проблемы, обращайтесь к нашему адвокату. Координаты продиктовать?

– Нет, правила он не нарушал.

– Тогда в чем проблема? Неужели нельзя решить вопрос без того, чтобы беспокоить человека на отдыхе? – В голосе Аллы зазвучало возмущение. – Мне кажется, Валера взрослый мужчина и в состоянии о себе позаботиться. Обращайтесь к нему.

– Я не могу к нему обратиться. Валерий мертв, – поняв, что сообщить новость как-то помягче не получится, произнес Лев. – Его тело обнаружили сегодня в пять утра в районе Гольяново. Дело поручили мне, по этому поводу я и звоню.

После этих слов повисла ожидаемая пауза. Длилась она, правда, недолго. Полминуты спустя в трубке снова зазвучал голос Аллы.

– Вы сказали, мертв? Это точно? Уверены, что путаницы

не произошло? – Вопросы посыпались градом, не оставляя времени на ответ. – Кто его опознал? Кто-то с работы? И почему в Гольяново? Насколько я знаю, друзей в этом районе у мужа нет.

– Оpoznания не производили. Вернее, в том виде, который вы себе представляете. При нем обнаружены документы. Водительское удостоверение с фото. По фото нашими экспертами и была произведена идентификация. Ошибка исключена. – Гуров старался ответить на все вопросы. – С какой целью он приехал в Гольяново, еще предстоит выяснить.

– Что с ним случилось? Сердечный приступ? Машина сбила? Послушайте, я теряюсь в догадках, не могли бы вы сказать все сразу, чтобы не тратить время на все эти вопросы?

– Быть может, лучше дождаться вашего приезда? – попытался Гуров уйти от неприятных подробностей, вернее, отсрочить их. – Когда вы сможете выехать?

– Выехать? О боже! Мне же теперь придется возвращаться, а срок действия путевки еще целых семь дней! – воскликнула Алла. – И как же быть? Как думаете, в авиакомпании поменяют билет на более ранний рейс? Должны же они войти в положение?

– Думаю, билет придется сдать, а взамен купить новый.

– Но ведь деньги вернут не сразу, – продолжала Алла. – И за путевку вряд ли перерасчет произведут. Послушайте, а вы можете выслать мне какой-нибудь документ, подтверждаю-

щий факт смерти мужа? Тогда им деваться будет некуда.

– О деньгах можно будет подумать позже. Сейчас правильнее побеспокоиться о скорейшем возвращении. Ваш муж убит, – напомнил Лев.

Алла, видимо, уловила нотки недоумения в его голосе, поскольку резко сменила и тон, и тему разговора.

– Валера! Валера убит!.. – слезливо протянула она. – Просто в голове не укладывается! Я теперь одна? О ужас, я теперь одна!

– Расслабляться пока рано, – посоветовал Лев. – Постарайтесь сосредоточиться на покупке билета. Соберите вещи, обратитесь к администратору, изложите ему проблему. Думаю, он вам поможет.

– Здесь никто не говорит на русском, – ответила Алла, причем слезы из голоса улетучились так же быстро, как появились. – Есть переводчик с английского на испанский, но я плохо владею английским.

– Найдите соотечественника, который владеет английским лучше, чем вы. Наверняка в отеле есть такие.

– О да, есть, – обрадовалась Алла. – Ниночка с Романчиком, чудная семейная пара. Мы вместе ходим на фитнес. Попрошу их помочь. И правда, помощь Ниночки сейчас будет кстати. Ох, как представлю всю эту суматоху с экстренными сборами и сменой билета, жутко становится!

– Тем не менее сделать это придется, – заметил Гуров. – Постарайтесь попасть на сегодняшний рейс, если таковой

имеется.

– Да, конечно. Вылечу, как только буду готова, – пообещала Алла и вдруг спросила: – Его братец уже в курсе?

– А вот это как раз следующий вопрос. Нам не удалось найти его координаты. В телефонных записях Валерия его номер не числится, а в квартиру мы не попали.

– Конечно не числится. Валере его номер не нужен, да и сам братец тоже. Может, ему и не нужно сообщать? Они не так уж и близки, – заявила Алла. – Приеду, сама с ним свяжусь.

– Нам бы этого не хотелось, – ответил Гуров. – Будет лучше, если вы продиктуете его адрес, и мы с ним свяжемся.

– Альберт живет в Забайкалье, вряд ли вы отправитесь туда лично.

– С вами же мы сумели связаться, хотя вы тоже не в Москве, – резонно заметил Лев. – На крайний случай, в Забайкалье тоже есть отделы полиции. Где именно проживает Альберт?

Алла какое-то время сопротивлялась, но в итоге вынуждена была сообщить все данные о брате покойного супруга. Альберт Забиулин проживал в небольшом городке под названием Борзя в Забайкальском крае. Бессемейный и безработный, так описала его Алла. Валерию он сводный брат по матери, поэтому фамилия у Альберта другая. Еще она предупредила, что денег на авиабилет у Альберта наверняка нет, а она раскошелиться не станет. От городка Борзя до Читы

чуть меньше четырехсот километров, да от Читы в Москву раз в пятнадцать больше. Его приезд выльется в копеечку, а ей сейчас и так предстоят немалые траты.

Гуров пообещал, что финансовый вопрос он решит без ее помощи. Это несколько успокоило Аллу, однако она не преминула предупредить: на постой брата не пустит, хоть бы ему и пришлось ночевать на вокзале. После этих слов Лев не мог не поинтересоваться, чем брат мужа так насолил Алле, но ответа не получил. «Не пушу, и все», – заявила она, и он не стал настаивать, а поспешил завершить беседу. Нужно было дать женщине время на сборы. Слез Лев так и не дождался, чему был несказанно рад. Отсутствие эмоций со стороны Аллы он списал на фактор неожиданности. Скорее всего, женщина пока не осознала всей глубины трагедии, а может, просто не привыкла выставлять горе напоказ. Так или иначе, разговор завершился, и у Гурова появилась возможность связаться с братом Кадацкого.

Разговор с Альбертом получился прямо противоположный беседе с Аллой. Вот тут была целая гамма эмоций, которая обычно следует за сообщением о насильственной смерти близкого родственника. В первый момент Альберт растерялся. И это неудивительно, уголовный розыск по пустякам тревожить не станет. Затем, услышав, что речь идет о брате Валерии, моментально проявил обеспокоенность, не случилось ли с ним беды. Тоже вполне законный вопрос.

Услышав, что тот мертв, Альберт довольно долгое время

не мог поверить в услышанное. Все повторял один и тот же вопрос: «Валеру убили? Вы сказали, Валеру убили?» И Гурову раз за разом приходилось давать утвердительный ответ. Чтобы сдвинуть беседу с мертвой точки, пришлось заставить Забиулина замолчать, а затем начать отвечать на вопросы.

О возможных проблемах, врагах или просто недоброжелателях брат Альберту не рассказывал. Они вообще мало общались. Раз в месяц телефонный звонок, и только. Валерий уехал из родного городка в восемнадцать и больше не возвращался. Их общая мать к тому времени отошла «в мир иной», а о биологическом отце Валерий вообще никогда не слышал. Так вышло, что мать прижила младшего брата неизвестно от кого, отец Альберта узнал об измене супруги и бросил ее, а ему, Альберту, тогда двадцатилетнему парню, пришлось взять на себя роль отца.

Когда растишь брата как сына, глупо рассчитывать на дружеское расположение последнего. Как выяснилось, проблема отцов и детей – не литературная выдумка. К восемнадцати годам отношения между Альбертом и Валерием совершенно разладились, и первый был даже рад избавиться от ответственности. Возможно, по этой причине он так и не обзавелся собственной семьей, хватило младшего брата.

Спустя несколько лет Альберт понял, что полностью порывать отношения глупо, и разыскал брата. Даже приезжал к нему в Москву. Повторно Валерий его не позвал, а Альберт напрашиваться не стал. В конце концов, ограничились те-

лефонными переговорами и поздравлениями по особо торжественным случаям. При таком раскладе вести речь о каких-то откровениях не приходилось, так что помочь следствию Альберт ничем не мог.

Гуров спросил, придет ли он на похороны брата. Тот ответил без задержки: разумеется, придет, как можно не приехать на похороны единственного брата, к тому же того, которого ты растил с пеленок?

– Выезжаю прямо сейчас. До Читы сосед подбросит, он меня время от времени выручает. А там прямой авиарейс до Москвы. Не знаю, как встретит меня Аллочка, жена Валеры, но уж не выгонит же на улицу при таких обстоятельствах?

– Я бы на это не очень рассчитывал, – предупредил Гуров. – Во-первых, Алла сейчас не в Москве, а во-вторых, из беседы с ней я понял, что видеть вас она желанием не горит.

– Ладно, мне, главное, до Москвы добраться, а там что-нибудь придумаю, – проговорил Альберт.

– Если Алла не примет, приезжайте на Петровку, – предложил Лев, – вместе проблему решим.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Альберт и, наскоро попрощавшись, положил трубку.

От Минаева, проверяющего камеры в Гольяново, новостей пока не поступало. Возвращения Аллы и приезда Альберта ждать предстояло минимум до следующего дня, патологоанатом, занимающийся вскрытием Кадацкого, сразу предупредил, чтобы его не отвлекали звонками, так как ра-

бота предстояла нешуточная. «Будет что-то срочное – доложу сам», – заявил он, так что все, чем мог на данный момент заняться Лев – это ждать и размышлять. Зато уж на размышления времени оказалось предостаточно.

А поразмышлять было над чем. Тот факт, что в Гольяново не нашлось свидетелей дикой резни, Гурова не смущал. На то он и криминальный район, чтобы его жители не желали откровенничать с представителями правоохранительных органов. Он изначально на помощь соседей не рассчитывал. На запись с камер больше надежды, но Минаев на связь не выходил, а торопить его он не хотел. Пусть отработает район полностью, тогда и поговорят.

На настоящий момент у него на руках не было практически никаких зацепок, поэтому он отработывал классические версии, а их получилось три. Первая версия: супруга погибшего, Алла Кадацкая. Каков мотив может быть у Аллы? Опять же классика: деньги и ревность.

Чем занимается Алла и есть ли у нее собственный доход, Гуров пока не знал, как не знал и то, оставил ли покойный распоряжения относительно своего имущества. Но тот факт, что финансово Кадацкий обеспечен довольно неплохо, и проверять нужды не было. Относительно неверности супруга после беседы с сотрудницей ивент-агентства Светланой вопросов тоже не возникало.

Знала ли об изменах мужа Алла? Вопрос пока открыт, но, как мотив, ревность уже проходила. А деньги? Вряд ли Ва-

лерий заблаговременно побеспокоился о составлении завещания, умирать в тридцать пять никто не планирует. Поэтому Алла вполне могла получить после смерти мужа либо все его имущество, либо его часть, что, учитывая размеры оно-го, достаточно весомый мотив для убийства. А то, что она в момент убийства находилась за рубежом, только усиливало подозрения. Гуров и не думал, что она лично приезжала в Гольяново и орудовала ножом, или чем там искромсали тело Кадацкого. Достаточно было нанять надежных людей, а самой отправиться нежиться под испанским солнцем.

Допускал он и совмещение двух мотивов сразу. Алла узнала о Светлане, молодой перспективной девице, испугалась, что муж ее бросит и оставит ни с чем, и решила форсировать события. Нашла людей, готовых за приемлемую сумму избавить ее от мужа, заплатила, и дело в шляпе.

По этой версии предстояло проверить следующие пункты: кто наследует имущество убитого, знала ли Алла о существовании любовницы и имеет ли она связи в криминальном мире. Впрочем, последнее не обязательно. В эру интернета для человека с деньгами найти исполнителя не проблема. И все же вопросы лучше решать после личной встречи с Аллой. Возможно, тогда данная версия отпадет сама собой.

Вторая версия: сводный брат погибшего. Одного разговора с ним оказалось достаточно, чтобы понять – фигура он неоднозначная. Даже если не брать в расчет неприязнь Аллы и ее слова относительно паразитического образа жизни Аль-

берта. В двадцать лет он вынужден был взять на себя ответственность за незаконнорожденного брата, само существование которого лишило его отца. Это ли не причина, это ли не повод затаить обиду и лелеять мечту отомстить? Кому-то, возможно, этого окажется мало, а кому-то – перебор. Но история так просто не заканчивается. Брат вырос, повзрослел, оперился и неплохо, надо сказать, устроился в жизни. Казалось бы, за все, что сделал для него старший брат, он должен испытывать к нему хотя бы благодарность. А ее и в помине нет. Вместо благодарности старший брат получает отчуждение и неприязнь. Мотив, или снова недостаточно для жажды мести?

Правда, есть еще денежный мотив. Чем он плох? Как известно, Альберт на мели, сам не зарабатывает, за чей счет живет, неизвестно. А ведь он уже немолод. Валерию тридцать пять, значит, Альберту уже пятьдесят пять. До пенсии далеко, а жить хочется сейчас. Смерть брата решит его финансовые проблемы, но только в том случае, если тот не оставил завещания или упомянул Альберта в таковом. Что из вышесказанного выходит? По Альберту нужно проверить все те же пункты, что и в случае с Аллой, заменив любовницу на затаенную обиду.

Третий по счету, но не по значимости вариант – самый пространный. Это профессиональная деятельность Кадацкого. Тут пахать – не перепахать. Партнер Кадацкого, Юлия Андреевна, которая автоматически получает право едино-

личной власти даже в случае, если жена или брат покойного пожелают вступить в бизнес. Что они знают о работе ивент-агентства? Что могут привнести своего? Да ничего. А вот Юлия Андреевна, которая явно любит власть, получает ее в неограниченном количестве.

Но это так, для затравки. Основной упор все же на клиентов и на тех, кого в агентстве называют «подаливцы». Слова декоратора Светланы подтверждают предположение, что кто-то из клиентов остался недоволен работой агентства. Возможно, их не так много, но они наверняка есть. Много их быть не может по той простой причине, что, будь иначе, агентство давно бы сдулось, а оно живет и процветает. Даже в «мертвый сезон» у них есть клиенты, и это о многом говорит.

И тут встает вопрос: как подступиться к заказчикам Кадацкого? Вице-губернатор ясно дал понять, что в числе клиентов Валерия простых смертных не бывает. Допустим, выяснить имена-фамилии удастся, а дальше что? Вряд ли хоть кто-то из них добровольно согласится на встречу и откровенный разговор. Вице-губернатор в этом вопросе не показатель, проявить инициативу в его интересах, как-никак речь идет о его сыне. Кто знает, вдруг парень успел пойти по криминальной дорожке? Возможно такое? Вполне.

Версии об очистке совести верить нельзя. Будь так, вряд ли он дослужился бы до такой высокой должности. Совесть для политика – непозволительная роскошь, совестливые по-

ступки и вовсе смерти подобны. Политической, но все же смерти. Скорее всего, он боится именно такого поворота событий и хочет держать руку на пульсе. Дело, которому не дали ход, легче отправить в архив как «висяк», чем расхлебывать журналистскую шумиху. А она непременно поднимется, стоит журналистам пронюхать, что в деле Кадацкого замешан политик.

И что же из всего этого вытекает? А вот что: лучше бы клиенты Кадацкого не имели отношения к его смерти. Для всех лучше. Но отрабатывать версию придется, как ни крути. И придумывать, как подступиться к высокопоставленным и именитым заказчикам, придется.

В самый разгар размышлений вернулся старший лейтенант Минаев. По выражению его лица Гуров сразу понял: хороших новостей тот не принес. Так и вышло. С Юхимишиным они прошлись по всем жильцам и квартиросъемщикам дома, где произошло убийство, всех близлежащих домов. Часть квартир, по сведениям оперуполномоченного, пустовала. Еще часть, примерно треть от общего числа, сдавалась внаем, в основном жителям Средней Азии, прибывшим в столицу на заработки. От них пользы ждать бесполезно, предупредил Юхимишин. Работают они чуть ли не сутками, до квартиры добираются исключительно для того, чтобы тут же свалиться на постель и уснуть мертвым сном. Им хоть из пушки под ухом пали, все равно не услышат.

Из полутора тысяч квартир для беседы подошли чуть

больше двадцати. В остальные Юхимишин посоветовал не соваться по причине неадекватного отношения этих жильцов к представителям правопорядка. Сидельцы, наркоманы и просто озлобленные жизнью люди, по собственной глупости, либо по воле случая оказавшиеся на задворках жизни. Понятно, помощи от них не дождешься, а вот молотком по голове, а то и пулю в грудь, получить запросто можно.

Одними словами Юхимишин не ограничился. Определившись со списком квартир, он сам предложил пройтись по жильцам вместе. В домах Юхимишина еще помнили, оттого и к вопросам Минаева относились благосклонно. И все же пользы рейд не принес. Кому бы ни задал Минаев вопрос о происшествии, никто ничего не видел. Во дворе группы подозрительных людей не появлялись, шума и криков слышно не было, незнакомый транспорт если и подъезжал, никто его не заметил.

– Прямо невидимки какие-то, Лев Иванович, – досадовал Минаев. – Целый день коту под хвост. Я сперва думал, брешут, выгораживают своих, но ведь и на камерах ничегошеньки!

– Ты и записи отсмотреть успел? – удивился Гуров. – Что же меня не позвал?

– А там и смотреть нечего. С двух кварталов порядка десяти записей, и те наверняка пустые. Сам я только на месте частями отсматривал, но там пусто. Представляете, у них почти в каждой точке, где видеокамеры стоят, вместо настоя-

щих камер либо муляжи, либо они в нерабочем состоянии.

– Экспертам отнес?

– Так точно, перед тем как к вам на доклад идти.

– Может, все же что-то нароют, – выразил надежду Лев.

– Вряд ли. Разве что с банковской, но и то сомнительно.

Странные у них там порядки.

– Ладно, иди отдыхай. И не забудь, завтра к восьми, – напомнил Лев.

Минаев ушел. Гуров прогулялся до криминалистической лаборатории, парни вовсю работали с записями с камер видеонаблюдения. В дополнительном инструктаже они не нуждались, поэтому он какое-то время молча наблюдал за их работой, потом вернулся в кабинет. В коридоре встретил генерала Орлова. Тот жестом остановил Льва и, отбросив официоз, спросил:

– Все еще дуешься?

– А смысл какой, все равно ничего не изменишь, – ответил Гуров.

– Хоть что-то успел выяснить?

– Много чего. Что убитый был женат, имел любовницу и непутевого брата. Что его агентство процветало, и заказчики – люди сплошь маститые и именитые. Что, куда ни ткнешь, всюду тупик.

– Не отчаивайся, прошло всего двенадцать часов, – взглянув на часы, подбодрил Орлов. – Уверен, через три дня настроение твое изменится.

– Почему именно через три дня?

– Так, к слову пришлось. Может, не через три, может, через неделю, но ты обязательно найдешь решение.

– И на чем основано данное утверждение?

– На богатом жизненном опыте, – улыбнулся генерал. – Шел бы ты домой, Лева. Утро вечера мудренее.

– Еще даже не вечер, – ответил Гуров. – Есть у меня на сегодня еще пара дел.

– Вот видишь, – рассмеялся Орлов. – Значит, не все так безнадежно. Дерзай, Лева, я в тебя верю, – дружески похлопал он Гурова по плечу и пошел по своим делам.

Войдя в свой кабинет, Лев отыскал телефон патологоанатома, минуты три размышлял, набрать или нет, потом все же решил. Трубку тот не взял, и он, поняв, что звонить бесполезно, отложил мобильник и снова задумался. За этим занятием его и застал Крячко, бессменный напарник и верный друг.

– Поза мыслителя? Любопытно, – ввалившись в кабинет, провозгласил Стас. – Откуда такая нечеловеческая скорбь в глазах? Неужто так по убиенному Валерию Кадацкому печалишься? Хороший был человек?

– Все хохмишь. – Губы Гурова невольно растянулись в улыбке. – Где весь день прохлаждался?

– Дела уголовные, брат мой. Ни сна, ни покоя от них. – Крячко присел на край стола. – В архив ездил, подбивал протоколы по делу Вахтанга.

Дело Вахтанга они вели на пару, но заканчивать бумажные вопросы досталось Крячко. За всеми мыслями и беготней Гуров совсем об этом забыл.

– Прокурору нейдет, все хочет «чистовик» для суда получить, чтобы совсем ничего самому не делать? – сочувственно произнес он.

– Да там дел-то на копейку, – отмахнулся Стас. – Времени только вагон потратил, а так – работенка не пыльная. Вот тебе, говорят, снова не повезло. Что там с Кадацким? Давай выкладывай. Должен же я оценить весь масштаб грядущей катастрофы. Как-никак, работать вместе, так хоть настроиться успею.

Гуров во всех подробностях рассказал о том, что видел и слышал за день. Время от времени Крячко вставлял реплики, задавал вопросы, а под конец выдал свой вердикт:

– Ковыряться нам с этим делом полгода, а убийц все равно не найдем.

– С чего вдруг такой пессимизм? – удивился Лев.

– Да с того, что в наши дни убивают тихо. Так, чтобы никто и не догадался, что на самом деле произошло. А тут на тебе, как в лихие девяностые. Разве что утюгом не жгли, – пояснил Крячко. – И как в те же девяностые, у всего района в одночасье уши заложило и глаза песком засыпало.

– Думаешь, не справимся?

– Как пить дать не справимся. А губернатор с тебя еще и стружку снимет.

– Вице-губернатор, – поправил Лев.

– Один хрен, – хмыкнул Стас. – Как только станет ясно, что это не его сынок резню организовал, он на тебя всех собак спустит. Как так, в столице нашей необъятной родины творится беспредел, а полиция бездействует? И на виселицу тебя лично отконвоирует, а сам на смерти Кадацкого еще и рейтинг свой повысит.

– Да брось, не так все ужасно.

– Это я пока только оптимистичный сценарий озвучил, – не унимался Крячко. – По пессимистичному сценарию сынок его самым главным злодеем окажется, и вот тогда тебе точно конец придет.

– Умеешь ты, Стас, товарища поддержать, – тяжело вздохнул Гуров, вынужденный согласиться с последним заявлением друга. – После твоей поддержки хоть в петлю лезь.

– Ничего, все образуется, – рассмеялся Стас. – У тебя же есть я. Уж будь уверен, глупостей натворить я тебе не дам. Скажет вице-губернатор забыть про сынка-убийцу, значит, забудем. Ну а пережить головомойку от начальства и насмешки журналистов за очередной «глухарь» ты и без моей помощи сумеешь. Пусть для тебя это не норма, но живут же как-то другие опера, чьи имена в средствах массовой информации полощут с приставкой «анти», поживешь какое-то время и ты.

– Ладно, шутки шутками, а работу нужно продолжать. Думаю, стоит пообщаться с этой Светланой вне стен агентства.

- Для меня работенка есть? – Стас соскользнул со стола. – Готов пожертвовать собой ради общего дела.
- Вернется жена Кадацкого из Испании – твоя помощь будет кстати.
- Хочешь, чтобы ее допрашивал я? – догадался Крячко.
- Пожалуй. С женщинами налаживать контакт у тебя получается гораздо лучше, – подтвердил Гуров.
- Это понятно, Аллочка, однозначно на мне. Ох, люблю я женщин, особенно строптивых. Только я про Светлану спрашивал, неужто не пригожусь?
- Вообще-то помощь не помешает. Я в агентстве уже «засветился», а тебя там в лицо не знают, сможешь вызвать Светлану, не привлекая внимания управляющей. Тогда мне не придется сидеть возле бизнес-центра в надежде поймать девушку при выходе.
- Вот! Я так и знал, что без меня тебе не обойтись.
- Так-то рабочий день уже закончился, – напомнил Лев. – И официально тебя еще к расследованию не привлекали.
- Брось, Лева, мы в одной лодке, – усмехнулся Крячко. – Станем считаться и мелочиться, развалится наша команда. Так куда едем?
- На Фрунзенскую набережную, добывать координаты декоратора Светланы.

Глава 4

В восемь утра следующего дня Гуров приехал в Управление, вооруженный списком заказчиков и «подаливцев» Валерия Кадацкого, которые, по оперативным данным, могли желать смерти директору ивент-агентства. Разумеется, получил он его не готовеньким, пришлось серьезно потрудиться и ему, и Стасу. Домой Лев попал только к трем утра, Крячко же и вовсе в отделе остался. Предпочел не тратить время на дорогу, а заночевать в дежурке.

Приехав вечером на Фрунзенскую набережную, Стас отправился вызывать Светлану, а Гуров остался на улице, дожидаясь их. Девушку-администратора на ресепшене уговорить позвать декоратора Светлану, фамилии которой посетитель не знал, получилось довольно быстро, а вот для того, чтобы убедить Светлану в том, что действует в ее интересах, а также в интересах Валерия Кадацкого, пришлось потратить минут пятнадцать времени и весь запас красноречия.

В итоге Светлана согласилась прогуляться с незнакомцем вдоль набережной и обсудить текущие проблемы. Вопреки ожиданиям Стаса, увидев Гурова, девушка не обрадовалась, а, напротив, нахмурилась, разволновалась и чуть не отказалась от выторгованной ранее прогулки. Крячко снова пришлось изощряться, чтобы вернуть с таким трудом заработанное, пусть зыбкое, но все же доверие.

Гуров и сам не ожидал от девушки такой реакции. Сначала она сама его находит, лезет с откровениями, а потом вдруг резко меняет к нему отношение. Причина оказалась проста: управляющий партнер Юлия Андреевна каким-то образом узнала о том, что Светлана разговаривала с Гуровым, и пригрозила ей увольнением, если ситуация повторится. «Твои выходки могут создать мне проблемы, – заявила Юлия Андреевна. – А я могу создать проблемы тебе. Вот и думай, стоит оно того или нет».

Проблем Светлана не хотела, но и забыть в одночасье о чувствах, которые испытывала к убитому Валерию, она тоже не могла. Любовь, помноженная на умение Стаса вызывать людей на откровенность, победила. Светлана рассказала о романе с Кадацким и о том, чем объясняется ее уверенность, что Валерий пострадал от рук клиентов.

Как это часто случается, любовная связь между шефом и подчиненной началась совершенно неожиданно. На корпоративной вечеринке, посвященной празднованию Нового года, оба слегка перебрали, оба немного хандрили, и оба оказались без пары на все праздничные дни. Светлана совсем недавно рассталась с очередным бойфрендом, а жена Кадацкого предпочла уютным семейным вечерам переполненный туристами Нью-Йорк, с его грандиозной роскошью и галдящей толпой.

Две недели неземного счастья, пока не вернулась жена Кадацкого, Светлана до сих пор вспоминала с замирани-

ем сердца. Потом пришли серые будни, встречи урывками, страх выдать себя перед коллегами, но все то же, пусть и кратковременное, счастье. С течением времени выработалось некое подобие графика, встречи стали более стабильными и планируемыми. Валерий даже на ночь у Светланы оставался, особенно в те дни, когда на работе возникали проблемы или конфликты. Вот почему она в курсе, как часто оказывались недовольны клиенты.

Увы, имен клиентов Валерий при ней никогда не называл, но говорил, о каком заказе идет речь. Темы заказов не часто дублировались, так что Светлана помнила главное – какой именно сюрприз устраивал недовольному заказчику Кадацкий. Опираясь на эти данные, Гуров с Крячко и начали составлять список.

Поговорив со Светланой, они отправились в агентство. Юлия Андреевна еще не ушла, наотрез отказалась обсуждать с сыщиками интересующую их тему. Ни имен заказчиков, ни проекты, заказанные ими, она предоставлять не собиралась. Твердила: «Нарушать права клиентов не стану», и больше от нее ничего добиться ни Гуров, ни Крячко не смогли.

Тогда Гуров позвонил вице-губернатору и заявил, что нужна его помощь. Как и через кого действовал вице-губернатор, так и осталось неизвестным, но спустя четверть часа Юлия Андреевна вышла из кабинета и велела администратору отвести «господ полицейских» в архив.

– Предоставь им все, что они попросят, – не глядя на опе-

ративников, раздраженно приказала она и снова скрылась в кабинете.

В архиве напарники проторчали очень долго. Доступ к электронной версии документации они не получили, только к пластиковым папкам с отчетами о выполненных проектах. Но и этого оказалось достаточно. Они отыскиали все проекты, о которых говорила Светлана, плюс успели отсмотреть материалы по другим проектам за последние два года. Те, которые казались подозрительными, откладывали в сторону, а затем добавляли в контрольный список.

Вот с этим списком Гуров и явился в Управление. Прежде чем отправлять людей на задание, он собирался пообщаться с генералом, чтобы заручиться его поддержкой. Все-таки речь шла о людях, которые без охраны даже в туалет не ходят. Орлов был уже на месте. Его приходу не удивился, указал на свободный стул и велел говорить. Лев отчитался о вечерних мероприятиях и перешел непосредственно к списку.

– В разработку включены две телезвезды, депутат областного масштаба, пресс-секретарь из аппарата мэра Москвы, футболист московского клуба «Динамо» и четыре бизнесмена.

– Так много недовольных? – удивился Орлов.

– Это не совсем недовольные, – пояснил Гуров. – Это те, кто предъявлял претензии Кадацкому в течение года. Кому-то не понравилась цена, кто-то получил «подарок» в наряде, у кого-то возникло ощущение, что по вине Валерия

произошла утечка конфиденциальной информации, а кто-то попросту, получив желаемое, решил вернуть деньги обратно.

– Ладно, с этим понятно. Скажи лучше, знает ваша Светлана, зачем Кадацкий в Гольяново поехал? – задал вопрос Орлов.

– К сожалению, она не в курсе, Кадацкий делился с ней далеко не всем.

– Хреновая, значит, любовница, – хмыкнул генерал.

В этот момент в дверь кабинета просунулась голова Стаса.

– Похоже, я вовремя, – улыбаясь, проговорил он. – Чью любовницу обсуждаем? Неужели Гуров на старости лет решил изменить своим принципам?

– Входи, балагур, – пригласил Орлов. – Включайся в работу. Речь идет о Светлане, любовнице Кадацкого.

– Что это вы ее так припечатали? Вполне ничего себе девочка. Молодая, но пылкая.

– Может, и пылкая, да только не слишком Кадацкий ей доверял, раз про Гольяново не рассказал, – пояснил Орлов.

– Так, может, у него там еще одна любовница живет, – предположил Крячко. – Вот вам и причина молчания.

– Стас, не начинай! Иначе мы в такие дебри залезем, еще и Светлану в список подозреваемых внести придется.

– Так она уже в нем, – на полном серьезе выдал Гуров. – Ревнивая любовница зачастую гораздо опаснее обманутой супруги.

– Вот-вот, – подхватил Крячко. – Ждала, Светлана, ждала, пока Кадацкий для развода созреет, а он ни в какую. Буду жить с законной женой, и все тут. Ну, любовница и психанула. «Заказала» мужика, а теперь слезы театральные льет, мол, невосполнимая утрата...

– Оставим Светлану в покое, – остановил его Лев. – Нам бы решить, как к подозреваемым подступиться. Вызывать повесткой – оснований недостаточно, и ордер на задержание не выпишут по той же причине, а ехать к каждому лично – не факт, что подпустят. Время потратишь, а толку не получишь.

– Ордер не выпишут, тут ты прав, – согласился Орлов. – А вот организовать личную встречу попытаться стоит. Да и повестки разослать тоже можно.

– На каком основании?

– Да все на том же: собираем сведения об убитом, есть оперативная информация о личном знакомстве с покойным, не могли бы оказать помощь, и так далее, и тому подобное. Тут расчет совсем простой: кто-то откликнется из любопытства, а кто-то и из страха. Тот, у кого рыльце в пушку. И реакцию на ваше предложение увидеть полезно будет, даже если разговора не получится. Да кого я учу? Сами все знаете. А насчет поддержки не переживайте. В случае необходимости ссылаетесь на меня и всех ко мне отправляйте. С этим я разберусь.

– Вот за это спасибо, товарищ генерал, – улыбнулся Гуров

и быстро поднялся.

– Надеялся на такой ответ? Просчитал все, пройдоха, – рассмеялся генерал. – А как пел! Совет нужен, тактику и стратегию разработать помочь. Ладно, проваливайте оба, у меня дел по горло.

Выйдя от Орлова, Лев тут же позвонил дежурному и попросил собрать всех задействованных в деле Кадацкого в его кабинете. Спустя несколько минут в комнате уже шло активное обсуждение новой информации. Из криминалистического отдела откомандировали представителя, чтобы тот отчитался о просмотренных записях. С него и начали.

– Я коротко, – сиплым голосом произнес криминалист. – Материал отсмотрен полностью, письменный отчет будет составлен к вечеру. Если в двух словах, то у нас полный ноль.

– Нормальный отчет, – съязвил Крячко. – Мог бы и не приходиться, с дежурным передать, что вы облажались.

– Дело не в нас, – насупился криминалист. – Материал «пустышка», как будто специально одно «молоко» собирали.

– Сам бы попробовал лучше набрать, – принялся защищаться старлей Минаев. – Я весь район обегал, чтобы хоть это дерьмо нарыть.

– Не выражайся, Минаев, не в курилке, – одернул старлей Гуров.

– Простите, товарищ полковник, но обидно ведь. Одни по городу километры наматывают в сорокаградусную жару, а другие сидят под кондиционером, да еще и возмущаются.

– Я не возмущаюсь, а констатирую факт. Предоставленный материал для работы совершенно непригоден, – начал отбиваться криминалист.

– Что, прямо совсем ничего? – остановил перепалку Крячко. – Никаких зацепок?

– Можно выделить две группы неизвестных, чье поведение не вписывается в рамки классического. Обе группы попали под камеру за двенадцать и восемь часов до совершения преступления в разных местах Гольяновского района. Первая группа: двое неизвестных у супермаркета, в пятистах метрах от дома Кадацкого. Возраст сорок пять – сорок семь лет, азиатской внешности, одеты не по погоде в теплую одежду. Чем примечательны? К супермаркету подходили трижды с интервалом в десять минут, каждый раз по паре минут стояли у входа, наблюдали за прохожими, но в магазин так ни разу и не зашли.

– Личности удалось пробить? – спросил Гуров.

– Над этим работаем, – ответил криминалист.

– Хорошо, продолжай.

– Вторая группа – с камеры у банка. Здесь двое мужчин и женщина, все европейской внешности. Возраст – от тридцати до сорока. Женщина моложе, мужчины старше. Все трое в банк заходили по очереди. Каждый пробыл внутри не меньше пяти минут. После каждого визита долго совещались между собой, что-то обсуждали. Для того чтобы понять, что именно им нужно было в банке, необходимы дополнитель-

ные записи, уже с внутренних камер банка.

– Их так просто не получить, – высказался Крячко. – Требуется ордер на изъятие, а это целая история.

– Для получения ордера тоже основания нужны, – заметил Лев.

– Да «пустышка» это, – вступил в разговор криминалист. – Наверняка что-то совершенно безобидное. Может, вложиться хотят, да никак не решат, какой вклад лучше.

– По вкладам долго консультируют, – заметил Минаев. – В пять минут точно не уложатся.

– Ладно, с этим вопросом решим. Сделайте выборку этих записей, я позже отсмотрю, – обратился Гуров к криминалисту. – Теперь ты, Изотов.

– С хозяином квартиры связался повторно, – отчитался Изотов. – Телефонный номер, с которого звонил квартиросъемщик, получил, но информация неутешительная. Это таксофон в районе Арбата, так что по нему никаких данных не получим. По карте есть только неполный номер, инициалы отсутствуют, так как перевод произведен между разными банками.

– Что за банк использовал квартиросъемщик? – спросил Лев, и Изотов назвал банк, который имел довольно нелестную репутацию. – Номер карты оставь, попробуем пробить владельца. А теперь переходим к главному: на данный момент перед нами стоит непростая задача. Есть ряд подозреваемых, которых требуется допросить, но доступ к ним за-

труднителен в силу их «непростого» положения. Ваша задача – обойти все преграды и снять показания с подозреваемых. В списке девять имен. Готовьтесь к трудностям, парни.

На этот раз инструктаж был пространным, Гуров хотел избежать недоразумений. Список распределили между всеми членами опергруппы, после чего оперативники начали потихоньку расходиться. Последними вышли Гуров и Крячко. Стасу достались кинозвезды, Льву – депутат и пресс-секретарь. Изотов и Хитенко разделили между собой бизнесменов, а Минаев буквально выпросил футболиста.

В сфере киноиндустрии существует определенный период, когда актеры относительно свободны, даже самые востребованные. Восходящая звезда Дарина Цохнир как раз наслаждалась временной свободой. Съёмка очередного блока телесериала завершилась, до нового сезона было еще далеко, а съёмки в полнометражном фильме перенесли на август ввиду отсутствия денежных средств.

Как ни любила свою профессию Дарина, но отдыху была рада. Последний месяц она работала буквально на износ. Ни дня без съёмок, сон по три часа в день, все остальное – на репетиции, отчитки, заучивание текста и прочие заботы. Сейчас же она получила возможность нежиться в бассейне в личном особняке режиссера. Сам режиссер отсутствовал, так что наслаждалась покоем Дарина в полном одиночестве.

Она лежала в шезлонге, прикрыв интимные места бикини

сомнительной плотности и размера, пила алкогольный коктейль на травах и слушала музыку. За этим занятием и застал ее Стас Крячко. Где именно искать звезду, он выяснил у глуповатой помощницы костюмерши, которую отыскал в студии «Мосфильма». Сплетнями о съемочной группе сериала «Порочные связи» она владела в полном объеме и охотно делилась ими со всеми, кто только соглашался слушать.

Так Крячко узнал про роман Дарины и режиссера, а также о том, что целый месяц актриса будет пользоваться гостеприимством последнего, несмотря на его отсутствие. Охранник при въезде остановил Крячко, выяснил цель визита, после чего связался с Дариной, и та, к вящему удивлению Стаса, велела его пропустить.

– Утро доброе, – поздоровался Крячко. – Жаль нарушать ваш покой, но обстоятельства требуют.

– Нарушайте сколько угодно, – не меняя позы, произнесла Дарина. – Признаться честно, я несколько подустала от одиночества. Три дня безделья для меня слишком много, а одиночество вообще не моя стихия.

– Так почему подруг не позовете? – любопытствовал Стас. – В компании отдыхать приятнее.

– У меня строгое предписание, – улыбнулась Дарина. – Никаких шумных тусовок в течение двух недель. Вот, следую.

– Доктор прописал?

– Хуже. Режиссер.

– Тогда я вас немного развлеку. Кстати, вы не спросили, по какому я делу.

– Зачем спрашивать? Раз пришли – сами расскажете.

– И то верно.

– Ну так приступайте.

– Вам знакомо имя Валерия Кадацкого?

– Это которого убили?

– Уже в курсе?

– Разумеется. Мне вчера весь день подруги названивали, чтобы эту «ужасную» новость сообщить. – Ни ужаса, ни печали в голосе Дарины не промелькнуло.

– Хорошо, что вы в курсе, – продолжил Крячко. – Вот о нем я и приехал поговорить.

– Боюсь, многого от меня вы не узнаете, – произнесла Дарина. – Я с Кадацким личного знакомства не водила. Один раз, по совету подруги, воспользовалась услугами его агентства, да и то потом об этом пожалела.

– Что так?

– Да чушь несусветная, на самом деле. Я так здорово все придумала, Кадацкий все спланировал, а ему не понравилось.

– Кому не понравилось?

– Да другу, – ответила Дарина. – Я тогда была жутко влюблена в партнера по съемкам «Порочных связей», решила ему сюрприз организовать. Просто, без повода. Так вот, оказалось, он с детства сюрпризы терпеть не может. А Кадацкий

схалтурил, об этой особенности не узнал.

– А должен был?

– Конечно должен, – уверенно произнесла Дарина. – Он ведь профессионал. По крайней мере, таковым себя позиционирует. Между прочим, из-за этого сюрприза я с Гариком и рассталась. Любовь растаяла как дым. – Она печально вздохнула и отхлебнула глоток из запотевшего бокала.

– Да, неприятная ситуация, – посочувствовал Крячко.

– Не особо. Все равно у нас с ним ничего серьезного не вышло бы, – пожала плечами Дарина. – И потом, благодаря этому я теперь с Веником.

– Веник – это режиссер? – уточнил Стас.

– Все верно, Вениамин Полянский. После шумного скандала, который устроил Гарик, Вениамин так трогательно меня утешал, что я не устояла, – разоткровенничалась актриса. – Он буквально ни на секунду меня не оставлял. Наверное, боялся, что я что-то с собой сделаю.

– А вы собирались?

– Нет, конечно. Я же не тупая блондинка, чтобы из-за каждого штанов в петлю лезть. Или вы считаете, я на такое способна?

– Ни в коем случае, – поспешил ответить Крячко. – По мне, так вы более чем разумная особа. Весьма привлекательная и практичная одновременно. Скажу вам как мужчина, такое сочетание довольно редкое.

– Благодарю за комплимент, – улынулась Дарина. – Не

думала, что среди полицейских встречаются джентльмены.

– Бывает, – улыбнулся в ответ Стас. – Так что вы можете сказать про Валерия Кадацкого?

– Ничего особенного. Мужик как мужик. Только мнит о себе слишком высоко.

– Можете рассказать, в чем заключался сюрприз, приготовленный для Гарика?

Дарина снова сменила позу, сделала большой глоток и принялась рассказывать. Язык у нее слегка заплетался от выпитого, но зато желание посплетничать возросло, что оказалось на руку Крячко.

Гарик – непрофессиональный актер, в труппу его взяли исключительно из-за харизмы и отсутствия комплексов. В Москву он приехал лет пятнадцать назад прямо из глухого аула, где его семья жила за счет разведения коз. С малых лет Гарик занимался тем же. Эту информацию он тщательно скрывал от коллег по съемочной площадке, но Дарине как-то проболтался. Ей же, ослепленной вспыхнувшей страстью, это показалось очень милым, и она вдруг решила раз и навсегда избавить Гарика от детских комплексов.

Нанимая Кадацкого, она настояла на том, чтобы сюрприз готовился по ее вкусу, несмотря на то, что Валерий предупреждал о нежелательной реакции. Кадацкий, надо отдать ему должное, сопротивлялся долго и отчаянно, но Дарина платила такие деньги, от которых просто невозможно было отказаться. Девица, избалованная папиными деньгами, не

желала слышать отказ, а, как известно, деньги лишними не бывают.

И вот, в один из вечеров, когда Гарик должен был встретиться с Дариной, его похитили прямо в центре Москвы. Надев на голову мешок, запихнули в автомобиль и отвезли на заброшенную ферму. Там его держали всю ночь, голодного, терзающегося неизвестностью. А под утро в том же мешке и в том же автомобиле перевезли в шикарный отель, где в огромном зале собралась толпа его коллег.

Гарик, все еще не понимая, что происходит, взглянул на экран и увидел то, что долгие годы пытался забыть. На экране крутили профессионально смонтированный фильм, где он был запечатлен в роли козьего пастуха в разные годы жизни. Смотрелся он, надо признать, весьма эффектно даже в этой роли, его коллеги издавали восхищенные возгласы и ободряющие реплики, но повышению самооценки Гарика это не способствовало.

То, насколько он был ошарашен случившимся, помогло ему не сорваться прямо там, в арендованном Дариной зале. Он скупно поблагодарил коллег за комплименты, подвыпившая толпа еще некоторое время расточала похвалы тому, как Гарика «любит камера», после чего все перешли в банкетный зал и началась грандиозная попойка. Про Гарика быстро забыли, и он получил возможность незаметно уйти.

Скандал произошел на следующее утро, когда Дарина и Гарик встретились на съемочной площадке. Нет, смешков за

спиной Гарик не слышал, перешептываний и косых взглядов тоже. По непонятной ему причине выходка Дарины всем показалась очень романтической, но сам Гарик с этим мнением соглашаться не собирался. Дарина же, оскорбленная в лучших чувствах, лишь подливала масла в огонь. Она совершенно некорректно при большом скоплении людей выпалила, что хотела избавить любимого от комплексов, но раз он желает жить с глупыми страхами всю жизнь, пусть проваливается.

Обозленный Гарик начал сыпать ругательствами и проклятиями, угрожая «уничтожить» всех, кто так или иначе причастен к жестокой выходке Дарины. Шум стоял такой, что хоть уши закладывай. Режиссеру Полянскому чудом удалось восстановить порядок на съемочной площадке. Рабочий день прошел на нервах, но очередная серия от этого только выиграла. Спустя две недели об инциденте забыли, а Гарик нашел себе новую подружку.

– Вот и вся история, – подытожила Дарина. Рассказ несколько утомил актрису, погасив интерес к посетителю. – Больше мне сказать нечего, так что можете возвращаться к своим делам.

– Вы упоминали про угрозы Гарика, – игнорируя предложение уйти, напомнил Крячко. – Как думаете, мог он привести угрозы в исполнение?

– Гарик? Нет, что вы! Даже мысли такой не держите! – замахала руками Дарина. – Гарик – прагматик до мозга костей,

он не станет губить свою карьеру из-за глупой выходки бабы. К тому же эта история только повысила его рейтинг. Заставила обратить на него внимание и режиссеров, и представительниц противоположного пола. Сейчас у него от баб отбоя нет, да и предложений сниматься стало на порядок больше. Так что от истории с сюрпризом он только выиграл.

– Уверены? – Крячко понимал, что другого ответа не получит, но вопрос все же задал.

– Уверена на двести процентов, – абсолютно серьезно ответила Дарина. – Да вы можете сами проверить. Информацию подобного рода очень легко собрать.

– Что ж, спасибо за помощь, – поблагодарил Стас. – Удачного отдыха.

Он развернулся и пошел к припаркованной у ворот машине. Дарина проводила его скучающим взглядом, допила остатки напитка и нырнула в бассейн.

В это самое время Гуров воевал с охраной в главном здании мэрии. С депутатом он встретился без проблем благодаря помощи вице-губернатора. Тот сделал всего один звонок, и депутат назначил встречу. Про Кадацкого, правда, говорил с неохотой, постоянно подчеркивая, что никаких претензий к организатору праздников не имел. Когда Гуров намекнул, что получил другую информацию, в которой говорится, что депутат отказался оплачивать две трети уже выполненного заказа, тот возражать не стал, а заявил, что деньги не были

выплачены в полном объеме по обоюдному согласию, о чем у депутата имеется подписанный сторонами документ. Почему изменилась цена? Потому что Кадацкий в его лице получил неоплачиваемую рекламу в таких кругах, где интересные предложения ценятся дороже самих денег.

Для себя Гуров перевел завуалированные фразы депутата так: денег я тебе не дам, но обещаю взалоб рассказывать коллегам-депутатам (и не только им), как шикарно ты все устроил. Что оставалось Кадацкому? Только согласиться. Заполучить врага в лице депутата он уж точно не желал. Криминала в истории Гуров не почувствовал, поэтому с депутатом расстался довольно быстро.

А вот пробиться к пресс-секретарю при аппарате мэрии оказалось совсем невозможно. Лев пожалел, что озвучил причину визита, нужно было соврать, хотя бы ради того, чтобы попасть на аудиенцию к господину Фокину, а там бы он заставил его обсудить интересующую тему. Но он сказал то, что сказал, и в ту же минуту понял, что облажался. Как только прозвучала фамилия Кадацкого, отказ был категорический, и далее разговаривать с ним никто не стал.

Удостоверение? Да плевали они на его «корочки». Звонок вице-губернатора здесь тоже помочь не мог, и Гуров битый час торчал в приемной мэрии, добиваясь, чтобы его выслушал хоть кто-то. Спустя час, совершенно отчаявшись и утомившись, он вышел на крыльцо, подышать воздухом и взять паузу.

– День добрый, Лев Иванович! – окликнули его откуда-то сверху.

Гуров поднял голову и увидел на третьем этаже свесившуюся вниз фигуру с пышной кудрявой шевелюрой. Мужчина средних лет довольно улыбался ему и приветственно махал рукой. Лев не сразу вспомнил, кто так радуется встрече с ним, а когда вспомнил, обрадовался, пожалуй, даже сильнее.

– День добрый, Назарчик! – радостно крикнул он в ответ. – Давно не виделись.

С Назарчиком жизнь сводила Гурова довольно часто, но последние года три их пути не пересекались. Назарчик служил в «Независимой газете», среди журналистов имел титул «Ходячая премия», а в среде читателей ценился за красивый слог и интересные темы, на которые у Назарчика имелся нюх.

– Да уж, давненько, – согласился Назарчик и любопытствовал: – Какими судьбами в мэрию? Кто-то из «неприкасаемых» проштрафился?

Говорил он громко, почти кричал, но тот факт, что он находится в здании мэрии и при этом нелестно отзывается об ее обитателях, журналиста совершенно не беспокоил. Гуров последовать его примеру не мог, так как его информация была сугубо секретного характера.

– Спускайся вниз, пообщаемся, – предложил Лев, и Назарчик тут же исчез.

Через несколько минут он уже тащил Гурова к скамейке

в ближайшую аллею. Оказавшись на достаточном расстоянии от мэрии, Назарчик перешел на шепот и спросил:

– На кого зуб точите?

– С чего ты взял, что я на кого-то точу зуб? – изобразил удивление Лев.

– Да ладно, Лев Иванович, я ведь профессионал. Слышали бы вы, как прозвучало предложение пообщаться. Я сразу понял, что здесь пахнет сенсацией, а теперь вы мне, простите за дерзость, в уши льете? Нет, Лев Иванович, так дело не пойдет. Хотите, чтобы я вам помог, так хоть не хитрите.

– Сдаюсь, – шутливо поднял вверх руки Гуров. – Я действительно нуждаюсь в помощи, и в мэрию приехал по щекотливому делу. Возьмешься помочь?

– Вот это другой разговор, – расслабился Назарчик. – Разумеется, помогу, Лев Иванович, мы ведь давние друзья. О чем идет речь?

– Только в своих статьях ты этот материал использовать не сможешь, – предупредил Гуров.

– Сейчас не смогу, потом пригодится, – пожал плечами журналист. – Вы же знаете, я парень терпеливый. Так в чем заключается проблема?

– Меня не пускают внутрь, – честно признался Гуров.

– В каком смысле не пускают внутрь? В мэрию? – уточнил Назарчик.

– Да, в мэрию, – подтвердил Гуров.

– Вас интересует кто-то конкретный?

– Да.

– Кто?

– Пресс-секретарь Фокин.

– Тю! Проще простого. Что натворил? – Назарчик весь превратился в слух.

– Сказать не могу, – покачал головой Лев.

– Хоть с каким делом связан? – настаивал Назарчик.

Лев вдруг вспомнил, что дежурному уже называл причину визита, поэтому ответил:

– Валерий Кадацкий.

– Ого! Убийство? Вот это поворот! – воскликнул Назарчик. – Неужели этот слизень мог кого-то ненавидеть так, что решил прикончить? Представить себе не могу Фокина хоть с каким-то подобием эмоций. Хотя, в тихом омуте...

– А Фокин – тихий омут?

– Болото, затянутое тиной и ряской, – припечатал Назарчик. – Должность занимает только номинально, на самом деле всем заправляет Гриша Ячников, а Фокин так, для фото.

– И как мне до него добраться? – спросил Гуров.

– Видите кафе? – Назарчик указал на помещение с торца соседнего здания. – Идите туда, через пятнадцать минут я вернусь с Фокиным.

– Надеюсь, охраны у него нет?

– Разумеется, нет. Кому он нужен? – ответил Назарчик и помчался обратно в мэрию.

Вот так благодаря давним связям Гуров получил доступ к

«тихому омуту» господина Фокина. В действительности он оказался не таким тихим, каким рисовал его Назарчик, но бессмысленным и бесполезным человеком – это точно. Гуров потратил на беседу с ним не меньше полутора часов, а все, что получил на выходе, – угрозы лишиться погон и должности. И хоть признания в том, что Фокин пользовался услугами Кадацкого и остался ими недоволен, Гуров не получил, все же пользу беседа принесла.

Теперь Лев был убежден, что, если бы Фокин решил избавиться от Кадацкого, убивать бы он его точно не стал. В его арсенале есть гораздо более эффективные и болезненные способы, особенно для амбициозного человека, каковым являлся Кадацкий. Будь у Фокина реальные претензии к убитому, он бы в два счета очернил его репутацию так, что Кадацкому оставалось бы только свернуть лавочку и уехать из Москвы, а еще лучше – и вообще из страны. Придя к такому выводу, Гуров отправился обратно в Управление.

Глава 5

Как выяснилось, с опросом подозреваемых из числа заказчиков Кадацкого Гуров справился самым первым. Он успел вернуться в отдел, отчитаться перед генералом, просмотреть подборку записей с камер видеонаблюдения и получить приглашение патологоанатома для беседы по результатам вскрытия, а парни только-только начали возвращаться.

Хитенко вернулся возбужденный, с кучей новостей и предположений. Выяснил он следующее: его подозреваемые – оба из категории бывших «братков» девяностых. Первый, Морозов Илья, владелец кирпичного заводика, дважды судился за нанесение особо тяжких, но оба раза сумел избежать наказания за недостаточностью улик. К Кадацкому имеет стойкую неприязнь, которую не считает нужным скрывать.

Обидел его Валерий тем, что отказался организовывать понравившийся партнеру по бизнесу презент двум другим партнерам. Причина отказа – Кадацкий не клонирует свои праздники-сюрпризы, а Морозову хотелось получить проверенный продукт. Он был убежден, что таким образом Кадацкий поднимал цену, но платить втридорога владелец заводика не привык. Компромисс не нашли, от дальнейшего сотрудничества Морозов отказался, но посчитал, что Кадац-

кий опозорил его перед партнерами.

Угрожать ему он не стал, по крайней мере, так сказал Хитенко. А зачем? Он нашел другую фирму, выдал по памяти сценарий, и те сделали так, как хотел Морозов. Причем на порядок дешевле. Все прошло более-менее прилично, партнеры получили свой кайф. Осадочек у Морозова, правда, остался, но не убивать же человека за такой пустяк? Хитенко считал, что Морозов вполне мог устроить резню в Гольяново, в соответствии с прежними законами «братвы».

У второго, сельхозника Ватютина, вот уже полгода как напруг с бизнесом, так что, несмотря на бравое прошлое, по мнению Хитенко, до Кадацкого руки у него вряд ли бы дошли. Для собственного успокоения Хитенко пробил, не связаны ли проблемы Ватютина с подарком, организованным Кадацким?

Выяснил, что подарок Ватютин приобретал для супруги, та подарок получила, осталась весьма и весьма довольна, а вот сам он вдруг дико приревновал супругу к Кадацкому, которого она в глаза ни разу не видела, но слишком много и восторженно о нем говорила. Глупый конфликт мог привести и к трагедии, не случись у Ватютина кризис в бизнесе. Его решили из списка удалить.

Изотов сумел пообщаться только с одним из подозреваемых, вернее, с подозреваемой. Заказчицей оказалась женщина, Самойлова Раиса, владелица сети маникюрных салонов. Раиса устраивала праздник для налоговиков в надежде, что

те закроют глаза на ее махинации. Истинную цель устройства праздника она Кадацкому озвучила лишь после прохождения налоговой проверки, и суть ее недовольства заключалась в том, что налоговики оказались людьми «принципиальными».

Приняв подарок, они не постеснялись «ошкурить» ее бизнес на круглую сумму, в чем Раиса обвинила Кадацкого. Тот пытался объяснить женщине, что не в его власти избавить людей от жадности. Она же посчитала, что потратиться дважды ей пришлось именно из-за Кадацкого. Угрозами и требованием вернуть деньги она донимала директора ивент-агентства месяца три и даже подожгла автомобиль Кадацкого, но на серьезную месть Раиса не способна, вынес вердикт Изотов.

Со вторым подозреваемым встреча должна была состояться на следующий день. В плотном графике тот пообещал выделить тридцать минут, и то исключительно в память об убитом. Претензии полиции бизнесмена не интересовали, так он заявил Изотову, а вот вина перед Кадацким, хоть и косвенная, за душу тянула. Реплику про душу Изотов пропустил мимо ушей, а отложить встречу согласие дал. Лучше, когда подозреваемый считает, что держит инициативу в своих руках, так он объяснил Гурову.

Стас Крячко со своими кинозвездами задержался до самого вечера. Слова Дарины Цохнир насчет прагматизма Гарика передал слово в слово. Сам Крячко мнением одной

Дарины не удовлетворился, вернулся на «Мосфильм» и повторно пообщался с помощницей костюмерши. Благодаря этому история скандала, устроенного Гариком, обросла новыми подробностями, но все они лишь подтверждали мнение Дарины, так что из списка подозреваемых Гарика вычеркнули.

Звезда номер два, стареющий актер второго плана, отнял у Крячко уйму времени. В силу возраста он страдал легкой формой старческого слабоумия, поэтому никак не мог сосредоточиться на вопросах Крячко. Праздник он устраивал сам себе, а платить за все пришлось сыну. Недовольство актера проистекало все из того же слабоумия – для того чтобы он вспомнил, что праздник состоялся, сыну приходилось напоминать ему об этом минимум раз в неделю.

Странно, но о том, что он сделал заказ Кадацкому, старик не забывал, о том, что сын отдал деньги, тоже, а вот праздник постоянно выпадал из памяти. Здесь, по мнению Крячко, вообще нечего было ловить, так что и второго его клиента Гуров из списка удалил.

Последним в Управление вернулся Минаев. Задание он провалил, так и не добившись встречи с футболистом, но Лев решил дать ему еще один шанс, отправив к футболисту повторно, но теперь на пару с Крячко.

– Что получается на текущий момент, – подвел он итог. – Из девяти кандидатов под подозрением остается один. Это заводчик Морозов. Еще двое, футболист и бизнесмен, – под

вопросом до завтрашнего дня. Остальные условно считаются вне подозрений.

– Негусто, – протянул Крячко.

– Ничего, завтра прибывают жена и брат убитого, – «утешил» Гуров. – Если и они окажутся вне подозрений, возьмем в разработку любовницу Кадацкого Светлану. На сегодня все свободны.

Оперативники разошлись.

– Черт, к патологоанатому опаздываю! – вдруг взглянув на часы, воскликнул Лев.

– Мне с тобой? – спросил Крячко.

– Не обязательно.

– Тогда я – пас. Эти чудо-звезды выматывают до предела, – признался Стас. – Нет, Дарина-то еще ничего. Она хоть симпатичная и фигура шикарная, как говорится – все при ней. Но пить ей противопоказано. Раскисает в момент, и уже никакой красоты не остается.

– Стас, хватит время попусту тратить. Мне ехать пора, – прервал друга Лев. – Езжай домой. Завтра ты мне понадобишься.

– Аллочка на мне, я помню, – проговорил Крячко.

К патологоанатому Гуров все же успел. Застал его в комнате отдыха, поглощающим бутерброды с колбасой и малосольными огурцами.

– Привет, Филиппыч, чем порадуешь? – с порога задал он вопрос.

– С места в карьер? Даже дожевать не дашь? – то ли пошутил, то ли на полном серьезе спросил патологоанатом.

– Потом дожуешь, к тому же и аппетит нагуляешь, – отшутился Гуров.

– Ладно, пошли, торопыга. – Филиппыч встал и заковылял к холодильным камерам. – Идем со мной, показать кое-что хочу.

Дело свое Филиппыч любил, даже гордился. «Сколько подлецов с моей помощью за решетку отправили, – любил приговаривать он. – Я, почитай, побольше прокурора людей пересажал». И это было правдой. Работал Филиппыч на совесть, замечал такие вещи, на которые другие спецы и внимания бы не обратили. За это его ценили и опера, и следаки, и даже судьи.

Вот и сейчас Филиппыч не сухой отчет собирался дать, а устроить показ по всем правилам, чтобы вопросов у полковника не осталось. Полностью выдвинул труп из морозильной камеры, откинул материал и заставил Гурова взглянуться в раны.

– Смотри внимательно, – наставлял он. – Сперва на руки, затем на ноги.

– Может, сразу скажешь, что я должен увидеть? – попросил Лев.

– Нет, смотри внимательно и сам увидишь. Так будет нагляднее, – повторил Филиппыч.

Гуров смотрел минуты три, пока не понял, о чем пойдет

речь.

– Вижу, Филиппыч. Характер ран на руках и ногах. Я на верном пути?

– Правильно, молодец. Значит, легче будет объяснить, – похвалил Филиппыч. – Смотри, что получается. У погибшего множественные раны по всему телу. С уверенностью могу сказать, что били бейсбольными битами и режущим оружием, чем-то вроде тесаков, которыми домохозяйки мясо на кухне рубят. С той же уверенностью и почти со стопроцентной точностью скажу, что нападавших было не меньше шести.

– Почему не меньше? – уточнил Гуров.

– Могли не все бить, – пояснил Филиппыч. – Скорее всего, для такой работы нужен организатор. Человек, который контролирует ситуацию. Странно звучит, но это так.

– А вот этот пункт требует объяснений.

– Погоди пока, с контролером после разберемся. Сперва охарактеризую вот это... – Филиппыч обвел рукой тело. – Как ты сам смог заметить, характер ран на руках и ногах отличается. Чем? На руках раны исключительно от тесаков, на ногах – от бит. В первом случае раны рваные и резаные, во втором – гематомы и переломы костей. Как нападавшим удалось так четко разграничить направленность ударов?

– Возможно, сначала били битами, а затем, когда упал, добивали тесаками, – предположил Лев.

– Неверное предположение, – Филиппыч покачал голо-

вой. – Дело в том, что убитый вообще не падал. До того момента, пока его не выбросили из окна, разумеется.

– Не понял, это как? – Удивление Гурова было неподдельным. – Хочешь сказать, Кадацкий настолько крепкий парень, что его не свалили полсотни ударов битами и тесаками?

– Восемьдесят шесть битой и более сорока тесаком, – поправил Филиппыч. – Впечатляющие цифры, верно? Но насчет крепости ты не прав, парень умер практически сразу. Скорее всего, от страха. Сердце не выдержало и трех ударов. Я бы сказал, первый удар по голове вырубил уже практически мертвое тело. Процесс остановки сердца в результате инфаркта запустил именно этот удар, но до полной остановки оно дошло, когда парень был уже без сознания. И все же он не падал. Есть предположения почему?

– Специально держали?

– Именно. Зачем? Не спрашивай, на этот вопрос ответа у меня нет. Но держали однозначно. И били одновременно по рукам и по ногам. Трое орудовали битами, и их целью были ноги. Еще минимум трое работали тесаками, здесь целью были руки и торс. Каждый удар битой – перелом. Каждый удар тесаком – до кости. Когда количество ударов дошло примерно до двадцати, из тела начали выпадать куски. Их упаковали в отдельный контейнер, ты об этом знал?

– Жуть! Просто немыслимо, кому понадобилось так изгаляться? – не сдержался Лев. – Ведь ясно же было, что он уже мертв.

– Ты у нас спец по части мотивов, вот ты и думай, – усмехнулся Филиппыч. – Скажу откровенно, такой жестокости я давно не видел.

– Если навскидку, тут два варианта, – начал размышлять вслух Гуров. – Либо в раж вошли, остановиться вовремя не сумели. Либо такова была их цель, и тогда это больше похоже на ритуальное убийство.

– И снова не соглашусь. В ритуальном убийстве больше эстетики, если так позволительно сказать про убийство. Четкие границы – да, но конечная картина – ни в коем случае.

– Еще что-то есть для меня? – Гурова уже подташнивало от подробностей кровавой бойни, совершенной над одним человеком.

– Практически ничего. Перед смертью парень как следует подкрепился, причем не в дешевой забегаловке, а в приличном ресторане. Вывод: опасности он не ожидал, иначе кусок в горло не полез бы. Еще на шее, ближе к затылочной части, след от помады. Кто-то, питающий к парню особо нежные чувства, имел с ним интимный контакт в день смерти.

– Непосредственно перед убийством?

– Нет, в течение дня. Он успел сменить нижнее белье, а вот помыться полностью возможности не было, – пояснил Филиппыч. – Может, спешил на встречу, или воду отключили, и он ограничился полумерой. Теперь все. Официальный отчет жди через три дня, писанины тут много. Возникнут вопросы – звони в любое время. Это дело меня заинтриговало.

– Ты не сказал насчет координатора, – напомнил Гуров.

– Здесь все очень просто. Такой силы и жестокости побои совершают люди, для которых убийство является чем-то вроде десерта. Поэтому им и нужен человек, который вовремя отодвинет тарелку с тортом на край стола, пока у лакомки пузо не лопнуло. Я ясно выразился?

– Достаточно ясно.

– Ну, тогда бывай, полковник.

Филиппыч задвинул каталку с трупом обратно в камеру, проводил Гурова до выхода и вернулся в комнату отдыха к своим бутербродам.

А Гурову прибавилась еще одна головная боль. Кому понадобилось совершать такое изощренное убийство? Намеренно ли это сделано, случайно ли? С чем он имеет дело: с четким планом, отступить от которого не велено даже по причине нецелесообразности, или со спонтанным избиением «до последнего удара»? Ответы на эти вопросы лежали за гранью понимания. Пока за гранью.

После посещения морга ехать обратно в Управление не хотелось, нужно было переварить увиденное и услышанное, чтобы иметь возможность двигаться дальше. Срочных дел на этот день больше не было, важной информации не предвиделось, а рабочий день давно закончился, поэтому Лев поехал напрямик домой.

Поставив машину у подъезда, он поднял голову. В квартире во всех окнах горел свет. «Маша принимает гостей?»

Странно. Какой-то праздник, о котором я забыл?» Пока поднимался на этаж, перебрал в уме все возможные праздники, но так и не вспомнил, чем могла быть вызвана иллюминация в окнах.

Дверь открыл ключом. В нос ударил терпкий запах мускуса вперемешку с нежным ароматом ванили. «Точно праздник, – пронеслось в голове. – Только бы не годовщина, иначе за отсутствие подарка мне здорово прилетит». На звук открывающегося замка в прихожую выпорхнула Мария. В легком платье вместо домашнего халата, со свежим макияжем на лице. Вся такая благоухающая и все равно невероятно домашняя. Сердце затопила волна нежности. Сколько лет они вместе, а чувства все еще свежи. Удивительно!

– Как хорошо, что ты пришел! – Колокольчики в голосе супруги сегодня звенели по-особенному. Она подошла вплотную, прижалась к мужу всем телом, нежно поцеловала в губы.

– У нас праздник, а я забыл. – Фраза прозвучала не как вопрос, а как утверждение.

– Нет, ты ни о чем не забыл, – засмеялась Мария.

– Тогда что все это значит?

– Что «все»?

– Все это: платье, духи, ваниль.

– Ты имеешь что-то против платья? – шутливо нахмурилась Мария.

– Мне очень нравится твое платье, – искренне ответил Гу-

ров.

– Тогда идем на кухню, кормить тебя буду.

Жена упорхнула так же внезапно, как и появилась. Лев прошел в ванную комнату, вымыл руки, сполоснул лицо. Вытираясь полотенцем, взглянул в зеркало. «Вполне симпатичный мужчина, – дал он сам себе нескромную оценку. – Морщин бы на лбу поменьше, взгляд чуть веселее, и хоть в артисты записывай».

– Что ты там копаешься? – крикнула из кухни жена. – Все остынет.

Он повесил полотенце и прошел на кухню. Стол, накрытый скатертью, десяток тарелок, заполненных разнообразными закусками, и огромное блюдо с говяжьей ногой в центре, снова возродили сомнения.

– И все-таки у нас праздник, – повторил Лев.

– Не совсем. Скорее повод, – сжалилась над мужем Мария. – Меня утвердили на роль Ларисы в «Бесприданнице»!

Услышав новость, Гуров подхватил жену и закружил по кухне.

– Отпусти, ты все порушишь! – смеясь, потребовала она.

Лев опустил Марию на пол и произнес:

– Шикарная новость!

Новость действительно оказалась шикарной. Когда в театре заговорили о том, что постановкой к следующему сезону может стать классическое произведение Островского, в примерках тут же пошли споры, кого назначат на главную

женскую роль. Мнения разошлись: одни говорили, что роль достанется новой фаворитке главрежа Миланочке, другие утверждали, что лучше Кухаревой эту роль не исполнит никто, третьи считали, что режиссер устроит конкурс и по результатам выберет актрису.

Три месяца Мария места себе не находила, пребывала то в жуткой депрессии, то на невероятном подъеме. Сыграть роль Ларисы в «Бесприданнице» была ее давняя заветная мечта. Можно сказать, с детства. Гуров об этом знал, как мог поддерживал жену, но не был уверен, что главреж, с которым у Марии совсем недавно произошел серьезный конфликт, утвердит на роль именно ее. И вот, мечта Марии совсем скоро сбудется.

– Представляешь, он даже пробы не проводил. Собрал труппу и объявил: кроме Маши в этой роли никого не вижу, – щебетала Мария. – Как будто мысли мои прочитал! Как будто в детские мечты заглянул и решил их исполнить. Скажи, разве такое бывает?

Гуров вспомнил слова вице-губернатора о Валерии Кадачком и задумчиво произнес:

– По всей видимости, бывает.

– Ты сейчас подумал о чем-то плохом, – насторожилась жена. – Что случилось? Что-то на работе?

– Не будем об этом, – отмахнулся Лев. – Сегодня такой день, великий день. Зачем же омрачать его?

– Уверен, что не хочешь обсудить?

– Абсолютно.

– Тогда открывай шампанское, будем праздновать, – потребовала жена.

Спустя три часа, когда Мария мирно сопела, прижавшись щекой к плечу мужа, Гуров снова вспомнил слова губернатора. «Жаль, что люди не умеют читать мысли и предвидеть будущее, – думал он. – Жаль, что Кадацкий не умел их читать. Тогда бы он не поехал в Гольяново. Не лежал бы сейчас растерзанным в морге, а мне не пришлось бы ломать голову над тем, какие нелюди способны на подобные зверства».

Сон не шел. В голове кружили обрывки информации, добытой в течение двух последних суток. Он все пытался уловить главную мысль, найти хоть какую-то логику в этой сумятице, построить некое подобие системы, но мысль ускользала, логика не просматривалась, а система больше походила на нечто среднее между космическим хаосом и запутанным лабиринтом.

«Неделя. Генерал отмерил мне неделю. Возможно ли это? Выполнимо ли?» Гурову казалось, что дело Кадацкого никогда не обретет четких очертаний, не впишется в границы, не поддастся логическим умозаключениям. Это выбивало из колеи, не давало расслабиться и получить пусть временный, но покой. Только под утро мысли наконец улетучились из головы, и Лев провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава 6

«Уважаемые пассажиры, наш самолет, следующий рейсом Чита – Москва, идет на посадку. Просим всех пристегнуть ремни. Спасибо, что пользуетесь услугами компании «Уральские авиалинии». Мужчина средних лет вздрогнул, открыл глаза и огляделся. Стандартная фраза стюардессы вырвала его из полузабытья. Сосед, улыбающийся таджик, ни бельмеса не понимающий по-русски, похлопал рукой по подлокотнику, отыскивая замок ремня безопасности.

«Ну вот и прибыли. Что ждет впереди?» – мысленно произнес мужчина. Следуя примеру таджика, он пристегнул ремень безопасности и устало потер лицо. Облегчение оттого, что перелет заканчивается, мешалось с тревогой перед неизвестностью. Сколько он уже в пути? Девять часов на машине, плюс почти семь самолетом. Прибавить время ожидания, получается почти сутки. А еще поиски денег, уговоры, слезливые речи и прочая мутотень.

Какими усилиями он попал в самолет – вспоминать не хочется, а что еще предстоит пережить! «Как? Как ты доказался до такой жизни, Альбертушка? Как вышло, что лучший ученик в школе, подающий надежды студент Иркутского университета путей сообщения вдруг превратился в попрошайку? Как мать позволила такому случиться?» Впрочем, винить мать несправедливо. К тому времени как он бро-

сил заочный факультет, она год как в могиле лежала.

И все же он винил. Часто и горько. И брата своего, ныне покойного, винил. А как иначе? На кого он потратил лучшие годы своей жизни? Из-за кого жизнь поломана, годы потеряны, а его душа... Боже, во что он превратился! Мерзость и запустение в его доме, в отчем доме, который теперь и домом-то назвать сложно.

Неудивительно, что брат нос от него воротил. Вот у кого дом – полная чаша. С женой, правда, и ему не повезло. Таковую холеру в женах иметь – лучше сразу в петлю. А они живут, как-то сосуществуют на общих квадратных метрах. Сосуществовали...

Как только полковник из Москвы положил трубку, Альберт начал лихорадочно соображать. Вот оно! Началось! Пришел его час. Теперь он заживет, с братниными-то деньгами! Все, как мечтал, как планировал долгими бессонными ночами. Из ночи в ночь, из ночи в ночь... В Москву переедет, это однозначно. Хватит ему прозябать в этой глуши. И тут же холодок по коже: что, если мегера его опередила, если позаботилась о том, чтобы ему ничего не досталось? Эх, надо было как-то этот вопрос выяснить, прежде чем...

Но думать об Алле пока не время. Сейчас надо срочно решать, как добраться до Москвы, к кому идти, у кого деньги просить? Ведь с прошлого раза еще не отдал, а уже снова с протянутой рукой по соседям и знакомым. Впрочем, в этот раз все по-другому. В этот раз, как ни крути, он страдалец.

Не на отдых едет, брата хоронить. Должны же найтись сердобольные.

Сердобольные нашлись, с трудом, но он все же набрал нужную сумму. Соседа уговорил отвезти до Читы, не ждать же автобуса двое суток, так и похороны пропустить недолго. Сосед согласился не за просто так. А все теща его проклятая на ухо тому нашептала, мол, Альбертик скоро разбогатеет, так пусть раскошеливается. А у соседа сразу слюни до пупа: «бабосиками» запахло, разве он свою выгоду упустит? Сразу забыл, сколько раз его Альберт выручал.

У Натальи – бухгалтерши, попотеть пришлось. Как услышала, что Валерика убили, так глазами его чуть не съела. Все каверзные вопросы задавала: что, да как, да с чего вдруг у Альберта к брату любовь проснулась, когда столько лет ненависть нутро жгла. Пришлось комедию ломать, всплакнуть даже, ну да ничего! Главное, денег дала. Хотя язык ей укоротить не помешало бы. Начнет по поселку трепаться, до участкового дойдет, станет копать, и кто знает, до чего докопается?

Одно утешало: скоро, очень скоро все эти Натальи, Трещихи и участковые до лампочки будут. Как только в права наследства вступит, никто уже к нему не подкопается. Лишь бы холера Алка не напакостила. Ну да этот вопрос он тоже решит, в случае чего. Он от своего не отступится, на все пойдет, чтобы деньги брата его стали.

Альберт почувствовал легкое прикосновение к плечу и,

снова вздрогнув, поднял глаза. Возле его кресла стояла стюардесса.

– Полет окончен, – мило улыбаясь, произнесла она. – Просим вас покинуть салон.

Альберт огляделся по сторонам, салон оказался почти пуст. «Вот черт, снова замечтался, – мысленно чертыхнулся он. – Надо брать себя в руки, а то ни с Алкой разрулить не получится, ни полковника на свою сторону перетянуть». Он встал, забрал с полки багаж и быстрым шагом вышел из салона.

В вестибюле аэропорта народу, что пчел в улье. Все галдят, спешат, толкаются. Альберт прошел к выходу, на стоянку, где парковались таксисты, даже не взглянул. Не по его карману, на автобус бы хватило. Нашел тот, что идет в нужном направлении, наскреб на билет, устроился у окна и снова закрыл глаза. Видеть реальный мир, где он все еще нищий попрошайка, ему не хотелось.

До дома брата пришлось еще и на метро ехать, благо кое-какие деньжата остались. У самой двери Альберт вдруг оробел. Руку к звонку протянул, а нажать никак не решался. Стоял как истукан и пялился на кнопку.

– Помочь, гражданин? – услышал он оклик за спиной и резко повернулся.

На лестничном пролете, что вел вниз, стояла симпатичная девушка. Ну, может, не совсем девушка, но еще довольно молодая и уж точно симпатичная.

– Нет, спасибо. Я просто задумался, – слукавил Альберт.

– К Аллочке приехали? – Уходить девушка не спешила.

– Брата хоронить, – делая скорбное выражение лица, ответил он.

– О, так вы Альберт? Тогда понятно, – многозначительно усмехнулась девушка.

Альберту это не понравилось, и он грубовато уточнил:

– Что понятно?

– Почему не звоните, – ничуть не смутившись, ответила девушка. – Аллочка-то вас не жалует, а брата теперь нет. Как пить дать не пустит.

– Не думаю. – Голос Альберта звучал не особо уверенно. – Как-никак покойный брат мне.

– Сводный, – проявила осведомленность девушка.

– Не имеет значения. А вы подруга Аллы?

– Упаси бог! – замахала руками девушка. – Таких подруг иметь – врагов не надо.

– Вот как?

– А вы не согласны? Меня, кстати, Изабелла зовут.

– Очень приятно, Изабелла. Спасибо за поддержку, но дальше я справлюсь сам. – Альберт надеялся, что после этих слов Изабелла уйдет, но та и бровью не повела. Как стояла на лестнице, так и осталась стоять. Видно, ей очень хотелось увидеть, как Алла будет выставлять брата погибшего мужа. Альберт тянул по той же самой причине, только получить свидетеля ему, наоборот, не хотелось. Какое-то время оба

молча стояли и глазели на дверь. Наконец Альберт вздохнул и нажал кнопку звонка. Не век же на лестнице торчать?

Дверь Алла открыла почти сразу, словно ждала кого-то. Увидев на пороге Альберта, тут же встала в стойку. Руки в бока уперла, брови свела и грубым голосом спросила:

– Чего приперся?

– Не шуми, Алла. Такое горе в семье, – начал Альберт, но Аллочка его слезливые речи слушать не собиралась.

– Горе? Это у тебя-то горе, пиявка-кровопийца? – заорала она. – Да как у тебя только язык повернулся сказать такое!

– Давай обойдемся без оскорблений, – увещевал Альберт. – Незачем в такое время концерты на потеху соседям устраивать.

Он отошел на шаг в сторону, и Аллочка, увидев Изабеллу, моментально изменилась в лице и растерянно заморгала ресницами, пытаясь выдавить слезу. Изабелла поднялась чуть выше и «вступила в игру».

– Добрый день, Аллочка. Вот пришла выразить тебе соболезнования и встретила брата Валерочки.

– Прости, Изочка, но мне сейчас не до гостей. Сама понимаешь, такая трагедия, – подхватила Алла. – Если не возражаешь, мы тут с Альбертом вдвоем, по-семейному...

Аллочка оборвала фразу на полуслове, ухватила Альберта за рукав, втащила в квартиру и захлопнула дверь прямо перед носом Изабеллы. Как только они остались без зрителей, она отпустила рукав Альберта и прошипела:

– Проходи на кухню и не вздумай ничего трогать, трутень.

Альберт был рад тому, что попал-таки в квартиру брата, поэтому предпочел не обращать внимания на грубость Аллы. Он прошел на кухню, присел на край шикарного дивана, сложил руки на коленях и приготовился к жаркому спору. Алла задержалась в коридоре. Она наблюдала в «глазок» за тем, что будет делать ее «подруга» Изабелла. Та постояла у двери, попыталась приложить ухо к замочной скважине, чтобы услышать, что происходит в квартире, но там было тихо. Повздыхав немного, Изабелла ушла. Тогда Алла тоже прошла на кухню, налила себе из графина воды, выпила залпом и только после этого обратилась к Альберту:

– Ну, чего приперся?

– У меня умер брат, как думаешь, зачем я приехал? – Альберт снова нацепил маску скорбящего родственника.

– Не изображай трагедию! Мы оба знаем, что ты Валерика терпеть не мог.

– Ты преувеличиваешь, – все тем же скорбным голосом проговорил Альберт. – Валера мне не просто брат. Не забывай, я его с пеленок растил.

– Растил он! Черта с два ты его растил! – вспыхнула Алла. – Да даже если и так, что с того? Валерик тебе был нужен только тогда, когда ты в дерьмо вляпаешься или деньги просрешь.

– Как ты можешь такое говорить! – возмутился Альберт. – Я Валеру любил как родного сына. Я институт бросил, что-

бы его на ноги поставить! Да, последнее время у нас были разногласия, но такое случается. Это жизнь, в ней не всегда все гладко.

– Да прекрати ты! – Аллу аж затрясло от гнева. – Сказать тебе, зачем ты прикатил? За «бабками» Валериными! Только хрен тебе что достанется, ни копейки не получишь, заруби себе это на носу!

– Значит, все достанется тебе? За какие такие заслуги? – Альберт отбросил притворство. Теперь он не стеснялся в выражениях. – Может, за ветвистые рога, которые ты моему брату наставляла? Или за мотовство, за твои бесконечные поездки по дорогостоящим курортам, которые оплачивал мой брат?

– Ах, вот как мы заговорили, – зашипела Алла. – Да брат твой меня рогами поветвистее обеспечил! Или, думаешь, я не знаю про его похождения? Наверняка и в Гольяново к очередной суке поехал, вот его ревнивый муженек и убил! За свои выходки он мне еще мало оставил.

– Тебе? Ты в этом уверена? Быть может, он все свое имущество мне завещал?

– Держи карман шире. Нет никакого завещания, – заявила Алла и тут же осеклась.

– Нет завещания? Вот и отлично. Значит, по закону я могу претендовать на половину его имущества, – радостно объявил Альберт.

– Ничего ты не получишь, – сквозь зубы процедила Ал-

ла. – Имей в виду, не откажешься от наследства в мою пользу – окажешься там же, где и твой братец!

– Смотри, как бы ты там не оказалась. – Зловещая улыбка растянула губы Альберта. – Как знать, быть может, убийцы только с Валерика начали, а ты следующая на очереди.

Произнеся эту фразу, Альберт резко встал и вышел из кухни. Алла помчалась за ним, но услышала, как хлопнула входная дверь. Альберт ушел. Она опустилась на пол прямо в прихожей и тихо простонала:

– Боже, как же я вас обоих ненавижу!

Гуров был на полпути к Петровке, когда поступил звонок от дежурного с информацией следующего характера: некий Альберт Забиулин просит, чтобы его забрали с конечной остановки автобуса, следующего из аэропорта. С такой просьбой к дежурному обратились впервые, так что он, без дополнительных распоряжений полковника, действовать не решился. Гуров уточнил место и велел передать Забиулину, если тот снова будет звонить, что он подъедет за ним сам.

Прежде чем менять направление пути, Лев связался с Крячко. Тот сообщил, что у футболиста они с Минаевым застряли надолго, так что допрос Забиулина пусть Гуров проводит без него. Алла звонила еще вчера и сообщила, что встретиться с полковником сможет только вечером. После долгого перелета из Испании ей требуется отдых, и, раз уж Гуров столько ждал, подождет еще немного, пара лишних

часов погоды не сделают. Лев так не считал, но настаивать не стал. В конце концов, Кадацкая действительно имеет право на отдых.

С утра он ездил к следователю, который вел последнее дело Морозова. Тот дело Морозова помнил хорошо, да и самого фигуранта не забыл. «Такого захочешь не забудешь, – признался следователь. – Наглый до беспредела, впрочем, в то время все такие были». Хотя, по словам следователя, Морозов, пожалуй, выделялся из общей массы «братков». Чем? Образованностью и какой-то врожденной интеллигентностью. У него и наглость какая-то интеллигентная была.

По поводу истории с Кадацким следователь высказал сомнение: Морозов, конечно, мог устроить нечто подобное, это, в принципе, в его духе. Наказать, так уж наказать, чтобы другим даже краешек мысли, что его можно наколоть или развести, прийти не смел. Но повод был уж слишком сомнительным. По сути, Кадацкий его не обманывал, в открытую больше денег не требовал, да и при партнерах Морозова ничего не обещал. Значит, слова своего назад не брал. На самом деле Морозов сам себя перед партнерами подставил. Зачем раньше времени расписывал, какой сюрприз готовит? Сначала разрули, порешай с человеком вопрос, а потом языком трепать начинай. Нет, не стал бы Морозов показательную порку устраивать, так как сам в этой истории не лучшим образом выглядит. Вреда от такой порки могло получиться

куда больше, чем пользы.

По банковскому счету квартиросъемщика Гуров решил с запросом повременить. Вернется Алла, он получит доступ к личным вещам убитого и, в зависимости от результатов осмотра, будет действовать. А пока можно сосредоточиться на других задачах.

Пока Гуров был у следователя, Изотов встретился со своим вторым подозреваемым и по результатам беседы отчитался по телефону. Время на дорогу терять не захотел, так как вопрос оказался серьезным. Сам бизнесмен интереса для следствия, по мнению Изотова, не представлял, а вот тот, кому он сделал подарок руками Кадацкого, выглядел подозрительно.

Тридцатилетний парень, друг бизнесмена, с детства мечтал полетать на парашюте, но, ввиду отсутствия денег, мечта его осуществиться никак не могла. На тридцатилетие бизнесмен решил, что пора мечте сбыться. Но не банальный же полет дарить другу, с которым вместе уже четверть века? Он обратился к Кадацкому, тот провел предварительную работу и предложил отправить друга в Байрон-Бей, в Австралию. Помимо полета на парашюте там можно было устроить совершенно уникальную экскурсию по Национальным природным паркам. Дикая природа, палатки и лучший друг – такая мечта юбиляра. А раз такова мечта, то почему нет?

Кадацкий с работой справился на «отлично». Организовал все так, как и мечтал друг бизнесмена. И поход, и пара-

план, и даже то, что они реально заблудились и двое суток боролись за выживание, пока Кадацкий, предусмотрительно снабжающий своих клиентов «радиомаячками», не выслал помощь. Впечатлений другу должно было хватить еще лет на тридцать, если бы не случай.

В Сиднее он познакомился с «австралийской вдовой», и это знакомство разрушило его жизнь. Нет, речь идет не о женщине, а о ядовитом пауке, распространенном по всей Австралии и обитающем даже в городах: в домах, гаражах, сараях и просто в придорожных кустах. «Австралийская вдова» – достаточно безобидный паук, по крайней мере, при том уровне медицины, который может предложить Австралия. За восемьдесят лет от укуса «вдовы» умерло всего тринадцать человек, а за последние тридцать, после того как было изобретено противоядие, случаев вообще не фиксировалось.

И все же «вдова» нанесла другу бизнесмена непоправимый урон. Как это случилось? Элементарная человеческая самонадеянность и пренебрежение правилами безопасности. Ночуя в австралийской деревушке, где после окончания похода друзья восстанавливали силы, юбиляр выставил мокрые ботинки за порог кемпингового домика, а утром, не осмотрев обувь, надел на ноги. Тут-то «австралийская вдова» и «поприветствовала» парня. Укус не был ни слишком болезненным, ни действительно опасным, но вид паука, которого друг вытряхнул из ботинка уже после укуса, так на него по-

действовал, что парня хватил инсульт.

«Скорая помощь» прибыла своевременно, несмотря на удаленность деревушки от цивилизации. В больнице парню ввели противоядие и провели целый ряд мер против инсульта. Но последствия оказались непоправимыми. У парня перекосило левую сторону лица и отнялась левая рука. Вот уже четыре месяца он проходит лечение, но утешительных прогнозов врачи не дают. Естественно, в том, что с ним случилось, парень винит Кадацкого. Ведь это он предложил именно Австралию.

Угрозы от парня поступали к Кадацкому систематически, раз в неделю стабильно. Видимо, пострадавший решил держать его в напряжении. Раз он не может жить полноценной счастливой жизнью, пусть и виновник не расслабляется. По мнению Изотова, парень с инсультом мог оказаться тем, кто заказал расправу над Кадацким. Гуров записал адрес и поехал к нему лично.

Встреча получилась неприятная. Узнав, по какому поводу приехал Гуров, парень, Абрамов Леонид, наотрез отказался общаться. Присылайте повестку, а иначе никакого разговора не будет, заявил он и хлопнул дверью. Гурову повезло, что дома была мать, и женщиной она оказалась здравомыслящей. Она впустила полковника, и тот получил возможность переубедить парня.

Леонид закрылся в своей комнате, так что беседа проходила через дверь, но для начала и этого было достаточно. На

увещевания Гурова Леонид не реагировал долго. Когда подключилась мать, дело пошло быстрее.

– Леня, не упорствуй, сейчас не тот случай, – мягко проговорила она. – Если тебе нечего скрывать, почему не поговорить с человеком?

– А если мне есть что скрывать? Если это я убил зажавшегося ублюдка? – вдруг выдал Леонид.

Мать ахнула, прикрыла рот ладонью и некоторое время не могла найти подходящих слов. Тогда в разговор вступил Гуров:

– Даже в этом случае запереться бесполезно. Что вы этим выиграете? Лишних пару часов. По большому счету, я могу даже не уезжать, позвонить в Управление и дожждаться, пока мои коллеги привезут повестку.

– Я все равно не должен идти с вами прямо сейчас, – проявил осведомленность Леонид. – Если я прохожу как свидетель, повестка мне должна быть вручена заблаговременно.

– Изучали вопрос? – усмехнулся Лев. – Ну, тогда вы должны знать, что как подозреваемого я могу задержать вас немедленно. На это потребуется не повестка, а ордер на задержание, но получить его ничуть не сложнее, чем выписать повестку.

– Я имею право не пускать вас в дом, – продолжал Леонид.

– Вы и не впускали, меня впустила ваша мать, она тоже является жильцом квартиры, так что в этом плане законность соблюдена.

– Плевать мне на законность! – вдруг разозлился Леонид. – Проваливайте все, достали! Хотите признания? Вот вам признание: Кадацкого убил я. Записали? Я! И ничуть об этом не жалею, как и он не сожалел, что сломал мне жизнь.

– Хорошо, я принимаю ваше признание, – произнес Гуров, и мать Леонида онемела от страха. – Расскажите, как вы его убили.

– Выбросил из окна, – проговорил Леонид.

– А перед этим?

– Перед этим? – В голосе Леонида послышалось замешательство. – Ну, я его избил.

– Чем вы били Кадацкого? Сколько нанесли ударов, по каким частям тела? – сыпал вопросами Гуров.

– Послушайте, ведь вы это не всерьез? Леня просто злится, он никого не убивал, – взмолилась мать Леонида. – Леня! Прекрати немедленно!

– Молчи! Я так решил, – обращаясь к матери, произнес Леонид. – Я его убил, и точка.

– Отвечайте на вопросы, – повысил голос Гуров. – Сколько ударов, чем били, кто вам помогал?

– Откуда я знаю, сколько ударов? Я что, считать должен был?

– Можете ответить примерно. Три удара, пять, десять?

– Ну, может, десять.

– Чем били?

– Всем, что под руку попадалось.

– Кто вам помогал?

– Никто не помогал, я был один.

– Вы лжете, Леонид, только не могу понять, зачем это вам.

Если хотите взять на себя чью-то вину, дело ваше, но вы ведь не пройдете и первого допроса. Вы понятия не имеете, что там произошло.

– Плевать, расскажу то, что знаю, – упорствовал парень. – Я его убил, а как и зачем, пусть выясняет прокурор.

– Сколько этажей в доме? Какого цвета фасад, что располагается рядом?

– Вы действительно думаете, что кто-то запоминает цвет фасада? – удивился Леонид.

– Сколько комнат в квартире?

– Не помню, может, одна, может, две.

– Это вы должны помнить, ведь, прежде чем начать убивать, вы должны были проверить, нет ли свидетелей, – заметил Гуров.

– Я проверил, в квартире никого не было.

– Собирайтесь, мы едем в Управление, – вдруг выдал Лев.

– Где ордер? – В голосе Леонида звучала издевка.

– В вашем случае, когда идет добровольное признание вины, за ним следует и добровольная сдача. Иначе в признании нет смысла. Или до этого раздела вы не дочитали?

Неизвестно, сколько продлился бы этот бессмысленный разговор, если бы снова не вмешалась мать парня. Она отстранила Гурова в сторону, прижалась к двери и ласково

проговорила:

– Не надо, сынок. Не стоит он того.

Слез в голосе слышно не было, они беззвучно катились по щекам, заливая глянцевую поверхность двери, но Леонид каким-то образом понял, что мать плачет.

– Мама! Ну зачем ты так? Не нужно плакать, перестань. Все будет хорошо.

– Будет, я знаю. Я люблю тебя, сынок.

Больше мать ничего не добавила, но несколько секунд спустя дверь открылась, и на пороге появился Леонид. Он обнял мать за плечи, прижал к себе и принялся гладить по волосам:

– Успокойся, мама. Не плачь. Все будет хорошо. Никого я не убивал. Полковник знает, что я просто трепался. Ну, ты мне веришь?

– Верю, сынок.

Мать погладила сына по щеке и отошла в сторону. После этой сцены Леонид ответил на все вопросы Гурова, причем без былой бравады и вранья. Первое впечатление оказалось верным: версия о причастности Леонида к убийству Кадацкого оказалась несостоятельной. Лев оставил Леониду визитку и поехал в Управление. В этот момент его и застал телефонный звонок дежурного, из-за чего ему пришлось поменять планы и отправляться за Альбертом Забиулиным.

Глава 7

Что пожилой мужчина с обрюзгшими щеками и брезентовым рюкзаком на плече и есть Альберт Забиулин, Гуров понял сразу. Почему? Неизвестно. Сравнить Альберта с Валерием Кадацким он мог лишь условно. После смерти внешность сильно меняется, а по фотоснимку из документов вряд ли можно составить представление, как в реальности выглядит человек. Фото самого Альберта Гурову никто не предоставлял, во время телефонного разговора свою внешность он не описывал. И все же Лев не сомневался: перед газетным киоском стоит брат Валерия.

– Добрый день. – Он подошел ближе, протянул руку для рукопожатия. – Полковник Гуров. Давно ждете?

– Вы... Я... Ох! Как вы меня узнали? – отчего-то разволновался Забиулин. – Я вот стою, переживаю, как бы вас не пропустить, а вы вот так, с ходу, взяли и угадали. Профессиональный навык?

– Возможно. Я ведь не ошибся, вы – Альберт Забиулин?

– Не ошиблись. Добрый день, товарищ полковник. Вы уж простите, что я вас побеспокоил. Признаться честно, все сбережения на перелет ушли, даже на метро не осталось. Я ведь не слишком состоятельный человек.

– Работа не денежная, но для души? – Гуров сделал вид, что ему неизвестно о том, что Альберт нигде не работает.

– Скорее случайные заработки, – слегка смутился Альберт. – Я ведь образование так и не получил, брата на ноги нужно было поставить, тут не до своих желаний и амбиций. Пока Валерик рос, я работал везде, где мог хоть что-то заработать, а потом как-то нужда в образовании отпала, вроде устроился, деньги небольшие, но стабильные имел, чего ради упираться? Конечно, жалею, да что уж теперь? Время упущено.

– Обидно?

– Сейчас нет, – искренне ответил Альберт. – Наверное, так и должно было сложиться. Вы верите в судьбу?

– Как сказать, – уклонился Лев от ответа.

– А я верю. Что человеку на роду написано, то с ним и произойдет, как бы он от судьбы ни убежал.

– Выходит, вашему брату на роду написано умереть насильственной смертью?

– Выходит, так. – Альберт печально вздохнул и быстро перевел разговор: – Куда поедем?

– В Управление, – ответил Гуров. – Побеседуем, а потом будем решать, куда вас определить. К Алле поедете?

– Нет, не стану рисковать. Думаю, она мне не обрадуется. Да и мне в ее присутствии не очень уютно. Ума не приложу, как Валерик мог ее выбрать? Хотя, может быть, по молодости она была совсем другой.

– Я могу ей позвонить, вдруг передумает? Одной в пустой квартире в такое время тоже не сахар, – предложил Гуров.

– Не стоит, – поспешно отказался Альберт. – Если бы Алла хотела меня видеть, то позвонила бы. А она не звонила. Не писала. И вообще никак не обозначилась. Мой брат погиб, а она даже не удосужилась оповестить. Кто так поступает?

– Давайте отложим разговор. Приедем на Петровку, там и поговорим.

По дороге Альберт глазел в окно и то и дело издавал восхищенные возгласы. В Москве ему нравилось все: пыльные тротуары, толпы пешеходов, спешащих по делам, празднующихся туристы, многоэтажные высотки и домики в три этажа старой застройки. Он был готов восхищаться даже столичной жарой, хотя столбик термометра устойчиво удерживал позиции возле цифры тридцать восемь. Если учесть жар от накалившегося за несколько дней асфальта и бетона, возгласы Альберта выглядели несколько странно.

Сам Альберт будто забыл о существовании полковника Гурова и о том, что привело его в столицу. Пару раз он даже рассмеялся, став свидетелем забавных сцен, происходивших на городских улицах. Он впитывал в себя атмосферу мегаполиса, точно астматик морской воздух. Только когда автомобиль остановился возле ворот у здания Главного управления МВД на Петровке, Альберт вернулся к реальности. Поняв, что вел себя несообразно ситуации, он растерянно заморгал и принялся оправдываться:

– Простите великодушно, товарищ полковник. Так давно не был в большом городе, что совсем голову потерял. А ведь

для веселья повода нет. Валера в морге, Алла меня терпеть не может, а я сижу и как дурак радуюсь.

– Ничего, отвлекаться от печальных мыслей тоже нужно, – заметил Гуров. – Пойдемте, Альберт, дел у нас еще очень много.

В кабинете поведение Альберта изменилось. Он присел на краешек стула, сложил руки на коленях и опустил взгляд в пол, всем своим видом изображая печаль. Гуров разложил на столе бумагу, придвинул ручку и начал процедуру допроса. Пока шли общие вопросы, Альберт отвечал скорбно, но живо. Как только вопросы перешли в разряд личных, ему словно кто-то тормоза включил.

Большую часть вопросов Гуров задал еще во время телефонного звонка, так что сейчас лишь дублировал их под протокол. Альберт же и на эти вопросы отвечал медленно, тщательно подбирая слова. У Гурова сложилось впечатление, что тот боится дать неверный ответ, будто точно не помнит, каким он был в первый раз.

Да, с братом после его отъезда виделись редко. Сколько раз? Точно не помнит, может, два, может, три. Когда был у брата последний раз? Давно, несколько лет прошло, а сколько точно, нужно вспоминать. Когда последний раз созванивались? Незадолго до смерти Валерия. В начале месяца, а может, и позже. О чем шла речь во время телефонного разговора? Да ни о чем. О погоде, о ценах на бензин, о здоровье Альберта, у которого несколько лет подряд к июню обостря-

ется аллергический отек гортани.

Говорил ли брат, что собирается составить или уже составил завещание? Нет, такого Альберт не припомнит. Да и зачем ему это? Тридцать пять – совсем не тот возраст, чтобы писать завещание. Каковы финансовые возможности брата? Точно не знает. Деньги водятся, а сколько? Таких разговоров с братом он не заводил. Зачем лишний раз человека в искушение вводить? Спросишь про доход, он решит, что Альберт материальную помощь клянчит.

Брал ли он у брата деньги? Очень редко, когда совсем край придет. За квартиру заплатит, остатки на питание разделит и живет до очередного калыма. Какими суммами снабжал его брат? Да обычно давал немного. Пять-семь тысяч, максимум десять. Отдавал ли впоследствии Альберт долг? Пытался отдавать частями, да брат не брал.

Знал ли Альберт, что у Валерия есть любовница? Кое-что знал, брат как-то проболтался. Хотел ли Валерий уйти от жены? Может, и хотел, но Альберту об этом неизвестно, не те отношения, чтобы откровенничать.

– Если по правде, я Валеру понимаю. Как не гулять, если у самого рога до потолка? – вдруг выдал Альберт. – Она ведь не особо и скрывала свои похождения.

– Вы уверены, что Алла изменяла мужу? – переспросил Гуров.

– Уверен. – Альберт говорил убежденно. – Любовники для нее, как для других женщин сумочка стильная – к каж-

дому платью своя.

– Откуда же вам об этом известно, если вы в Москве бывали два или три раза? – задал Гуров резонный вопрос.

– Откуда? Да об этом все знают. – Альберт растерялся и не нашелся с ответом.

– Кто – «все»? – настаивал на точном ответе Лев. – Не могут же о неверности Аллы судачить в вашем родном городе?

– Вообще-то могут, – оживился Альберт. – Из Борзи в столицу много кто переехал, так что про жизнь-бытьё брата мне кое-что известно. И потом, Алла еще в первый мой приезд попалась. Это произошло совершенно случайно. О том, что я приехал, Алла не знала. В лицо тогда меня ни разу не видела. Я, перед тем как к Валерику ехать, заскочил в магазин, чтобы не с пустыми руками являться после многолетней разлуки. Магазиныще огромный. Я ходил-ходил, выбирал гостинец, аж устал. Ну и решил попросить кого-нибудь выбор сделать. Вижу, пара приятная. Он ее за талию обнимает, пониже спины поглаживает, а она прям тает под его взглядом. Я к ним и подкатил. Помогите, говорю, гостинец выбрать, чтобы недорогой и к месту.

– Помогли?

– Помогли. Я спасибо сказал, гостинцы оплатил и к Валерику. А вечером приходит домой его жена, и что бы вы думали?

– Та влюбленная женщина из магазина оказалась Аллой, – выдал очевидный ответ Гуров.

– Вот именно. Она меня не узнала, только когда Валера мой презент на стол поставил, поняла, что «спалилась». С вызовом на меня взглянула и ласково так: надолго к нам? Надеюсь, до среды нагоститесь, а то нам с мужем на турбазу уезжать. Нисколько не испугалась, ни на минуту не растерялась, – неприязненно покачал головой Альберт. – Стерва, она и есть стерва.

– Брату вы об этом не сказали? – подытожил Гуров.

– Конечно нет. А вы бы сказали? Мы с ним несколько лет не общались, и вот я приехал и с порога: привет, кстати, твоя жена тебе изменяет. Приятная встреча получилась бы, правда?

Возражать Гуров не стал, ситуация действительно непростая. Дальше разговор пошел по кругу: финансовые вопросы, взаимоотношения между Аллой и Валерием, между Валерием и Альбертом, наличие врагов и недоброжелателей, и все в таком духе. В какой-то момент Лев вклинил в цепочку однотипных вопросов вопрос о том, нет ли проблем у самого Альберта. Обычно при такой подаче, когда допрашиваемый расслабляется и не ждет подвоха, ответ приходит быстро, и, как правило, бывает правдивым. Но в данном случае тактика не сработала. Гуров понял это сразу, как только прозвучало последнее слово. Альберт внутренне напрягся, выдержал едва заметную паузу, а потом небрежно ответил:

– Какие у меня могут быть проблемы? Сахар подорожал, да коммунальщики воду отключили. Разве это проблемы?

– Так всю жизнь без стрессов и живете? – Гуров постарался, чтобы вопрос прозвучал шутливо.

– Пожалуй, что и так, – на полном серьезе ответил Альберт. – Живу, никого не трогаю, особых запросов не имею. Ну и меня никто не трогает.

Сразу поняв, что Альберт лжет, Лев подумал: «Интересно, сколько раз за весь разговор ты сказал правду? Похоже, все твои слова нужно делить не на два, а сразу на четыре».

Следующие пятнадцать минут потратили на то, чтобы решить вопрос с жильем для Альберта. Он собирался остаться в Москве до тех пор, пока не позволят похоронить брата. Связавшись с дежурным, Гуров вызвал майора Хитенко и параллельно получил разрешение поселить Забиулина в общежитии МВД – звонок генерала Орлова решил вопрос в полминуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.